

18+

Ольга Лущинская

МОЙ МИР. ВЕРА

Книга третья

Ольга Луцинская

Мой мир. Вера. Книга третья

«Издательские решения»

Луцинская О.

Мой мир. Вера. Книга третья / О. Луцинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519488-6

Когда наша жизнь рушится, мы находим силы держаться в простых вещах. Будь это родные и близкие, какие-то мелочи или же серьезные вещи. Для тех, кто не сдаётся, все сводится к одному — к вере. Не важно, религия это, вера в себя или светлое будущее. Важно лишь то, что не позволит нам сдаться.

ISBN 978-5-00-519488-6

© Луцинская О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Наперегонки	7
Глава II. Безмятежность	20
Глава III. Бессонница	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мой мир. Вера Книга третья

Ольга Луцинская

© Ольга Луцинская, 2020

ISBN 978-5-0051-9488-6 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-9489-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Данное произведение не пытается оскорбить чувства верующих и их религию, мировоззрение общества в целом или отдельных индивидуумов. Идеи книги и ее содержание выражают собственную точку зрения автора, его видение мира и событий, а так же понимание морали, взгляды на то, какой она должна быть и что ее составляет. Книга никого не призывает поступать так или иначе, ее цель – заставить отдельного человека задуматься о том, как стоит поступать ему лично, а как нет, найти самого себя и измениться в лучшую сторону.

Все истории и события, входящие в книгу, являются выдуманными. Сказок, указанных в ней, не существует, национальных границ нет, а все расовые различия приведены только в качестве описания разнообразия живущих существ, их особенностей, и говорят о том, что каждый из нас уникален.

Все стихи, представленные в книге, принадлежат самому автору.

При написании книги ни одно живое существо не пострадало.

Приятного чтения, дорогие друзья!

Глава I. Наперегонки

*Дыханье на секунду удержи.
Замедли на мгновенье сердца стук.
Ему известно, что там впереди,
И сколько ждет еще тебя разлук.*

*В борьбе за жизнь теряем мы, порой,
Все то, что нам характером дано.
И ты не можешь быть самим собой,
Дыханьем смерти все предрешено.*

*И с инквизицией своей души,
Увы, выносишь новый приговор.
Себе противореча, не кричи.
Ты заключаешь новый договор*

*С самим собой, зажав свой страх в тиски,
Пытаясь отказаться от всего.
Не бойся, не надейся, не моли.
Прощайся. Всё, что было, то прошло.*

Отвратительный гнилой запах бил прямо в нос, мешая сосредоточиться. Голова ужасно гудела от удара стулом по черепушке, а порез на руке все еще слабо кровоточил. Я подпер двери тростью и попытался осмотреться. В пыльной комнате было так темно и душно, что на миг мне показалось, словно я вот-вот потеряю сознание. Осторожно переступая по скрипучему полу, я добрался до штор, сквозь которые слабо пробивался лунный свет, временами скрывающийся за наступающими тучами. Отодвинув полы шторы, я с опаской выглянул в окно, стараясь не высовываться. Пары сантиметров было бы достаточно, чтобы не выдать себя. Этот психопат уже стоял на улице, сжимая в руке молот. Я прислонился затылком к стене, оставив себе немного времени, чтобы перевести дыхание и привести мысли в порядок. Несколько секунд, чтобы вдохнуть и выдохнуть...

На лестнице послышался скрип ступеней, а затем и половиц. Я быстро выглянул в окно. Психопата на улице уже не было. Он определенно шел искать меня. Мне пришлось на ощупь метаться по комнате в попытке найти путь к побегу, но единственный выход, который я не заблокировал, вел в кладовку. Из коридора уже доносились звуки открывающихся дверей, злобное рычание и ворошение всего вокруг. В комнатах он разносил все, что могло меня спрятать. С каким-то нечеловеческим гневом он буквально уничтожал каждый предмет, что попался ему под руку.

Мой единственный выход сейчас – окно. Шум все приближался, и я точно знал, что следующая комната – моя. Раздвинув шторы, я дернул раму вверх два-три раза, прежде чем она поддалась, и полез на подоконник. Но тут раздался шум и треск стены – он одним ударом пробил перегородку в мою комнату, заполонив все вокруг строительной пылью и, прежде чем я успел опомниться, потянул меня обратно в помещение, стащив на пол. Его заросшие брови в слабом свете луны не могли прикрыть гневный блеск в глазах. Большой нос собрался в морщинки от скорчившейся гримасы. Он высоко поднял молот над собой, готовясь нанести сокрушающий удар. Я вовремя опомнился, откатился в сторону, но хрупкие половицы тут же обрушились под его тяжелым ударом, и мы оба провалились на первый этаж, сломав под собой доски над подвалом. Я закашлялся в клубках щепок и пыли, быстро поднялся на ноги и побе-

жал прочь, ища путь на улицу. Все окна на первом этаже были плотно заколочены, иначе бы я сиганул сквозь одно из них не раздумывая.

Входная дверь уже была заперта, я бросил попытки выбить ее после нескольких неудачных ударов. Не понимаю, когда он успел ее закрыть и уж тем более – почему в этом проклятом доме разваливается на части все, кроме этой дурацкой двери. Маньяк уже подкрался ко мне с молотом сзади, замахнулся и всем весом навалился вперед. Мне удалось отпрыгнуть в сторону, но, к моему удивлению, дверь не сломалась даже под такой нечеловеческой мощью. И царпинки не осталось. Это была какая-то запирающая магия, не иначе. Я быстро побежал в подвал в надежде отыскать хоть что-то для самообороны. Найти выход не представлялось возможным, пока это чудовище бродит там, в попытках меня укокошить. Бежать на второй этаж было уже бессмысленно, в такой темноте и разрухе добраться до какого-либо окна я не смогу.

С каждой секундой тяжесть в голове нарастала, словно мозгу не хватало кислорода, и я вот-вот потеряю сознание. Но из последних сил под всплеском адреналина я заставлял себя держаться как можно дольше. Трухлявые ступеньки в подвал трещали и сыпались прямо под ногами, разнося предсмертные звуки по пыльному воздуху. Я невольно закашлялся и, держась за стены, пытался найти хоть какой-то другой путь. Подвальное окно подошло бы в самый раз. К такой темноте привыкнуть было просто невозможно. Ни капли света, никаких лучей. Только звуки. Я уже слышал, как психопат медленно спускается вниз, тяжело дыша, волоча за собой неподъемный молот.

Ступая медленно и осторожно, как по тонкому льду, я прощупывал стены. Порой наткнулся на какие-то предметы в подвале. Судя по всему, это были старые стулья, коробки и прочее барахло. Шорохи и топот разносились очень четко, но из-за большого наличия помех вокруг было сложно понять, где именно вышагивает маньяк. Скрежет зубов и скрип половиц, прогибающихся под весом молота, давили на психику все сильнее, и чем ближе был слышен шум, тем громче билось мое сердце. Казалось, что еще немного, и он услышит стук в моей груди. Я старался дышать размеренно и тихо, чтобы не выдать себя, но проклятая пыль так и стремилась забить мне легкие и заставить чихать и кашлять. Я не мог уцепиться ни за одну мысль в голове и уже ощущал приближающуюся панику и безысходность.

Но что это? Неужели дверная ручка? Кажется, да, на ощупь вполне похожа. Я осторожно повернул ее и толкнул дверь. Не поддалась. Может, на себя? Но еще раз дернул за ручку и – вуаля! Впереди показался слабый свет... А за спиной – злобное рычание. Спасибо, скучно не было, но мне уже пора! Я махом заскочил внутрь, захлопнул дверь и закрыл ее на засов. В слабом проблеске в последнюю секунду мне довелось увидеть стремительно приближающегося психопата. Он яростно вдарил по закрытой двери, но безуспешно. Судя по виду, дверь была очень толстой и тяжелой.

Я оглянулся. На невысоком потолке едва различимо горели лампы, закованные в решетки. Обшарпанные бетонные стены плавно переходили в потолок, образуя какое-то подобие арки. Очень похоже на ядерный бункер. Но что бункеру делать под старым лесным домиком?

Это меня сейчас не особо волновало. Главное, что безумец остался по ту сторону двери, а его попытки пробиться не приносят абсолютно никакого видимого результата. Быть может, мне повезет, и на противоположной стороне туннеля есть другой выход? Делать тайный бункер с одним единственным ходом было бы непредусмотрительно. Так или иначе, между молотом снаружи и неизвестностью впереди, я выбрал второе.

Как бы сильно мне не хотелось оставаться в непосредственной близости к психически больному человеку, было необходимо передохнуть хоть пару минут. Я стянул с себя рубаху, вытряхнул пыль из нее, прокашлялся и прочихался, освобождая легкие от спертого пыльного воздуха, и сел на холодный бетон. Застегивать рубашку сразу не стал – уж больно пропотел, пока носился по дому. Оперев свою усталую голову на руки, я принялся усердно тереть ее

в попытках утихомирить боль. Восстановить дыхание оказалось не менее сложной задачей – я то и дело сбивался, не мог уловить ритма, дышал то слишком быстро, то слишком медленно. Эта пара минут казалась вечностью. Ни одна хоть мало-мальски полезная мысль в голову не приходила. Все, чего мне сейчас хотелось, так это успокоится. Руки мои тряслись, как и все тело. Ощущение такое, словно меня настигла страшная болезнь, и теперь лихорадит. Но пульсирующая кровь говорила об обратном – это просто адреналин. Немного потеряв лицо, я встал с холодного пола, опираясь на стенку. У меня нет иного выхода, кроме как пройти сквозь туннель. Возвращаться в дом совершенно не собираюсь. По крайней мере, пока это не станет единственным выходом на свободу. Но, даже если так и окажется, не будет лишним отыскать хоть что-нибудь для самообороны.

Я видел, как осела пыль в тусклом свете ламп, когда отряхивался и поправлял мятую одежду. После темного подвала этот слабый свет казался ярким, но глаза быстро привыкли к переменам в обстановке, а мои легкие были безмерно благодарны за то, что я прочистил их, прежде чем идти дальше.

Но стоило мне двинуться с места, как впереди послышался какой-то слабый шум, очень напоминающий какие-то завывания или стоны. Чем дальше я шел, тем отчетливее слышал их. Сперва мне показалось, что это скулит собака. Затем, что плачет ребенок. Однако, к вою добавились чьи-то голоса. Я не мог разобрать, что именно они говорили и сколько же их было на самом деле. Доводилось ли вам когда-нибудь слышать, как кто-то говорит, уткнувшись лицом в подушку? Говорит еле-еле, еще не вырвавшись из лап сна окончательно, пытаюсь подать какие-то признаки бодрствования, но он еще не проснулся, чтобы просто повернуть лицо к вам? Это было очень похоже именно на такую ситуацию. Голоса становились громче, уже чуть более различимыми. Я уже мог понять, что, не считая собачьего воя, их было, по меньшей мере, двое. И, судя по всему, оба принадлежали мужчинам. Мне до жути хотелось узнать, кто же это говорит, но риск оказаться в какой-то хитрой ловушке не давал мне ускорить шага в сторону шумов.

Впереди, на левой стене, была закрытая дверь. Не такая большая и увесистая как та, что я захлопнул перед носом у маньяка, но тоже весьма прочная на вид. Шумы доносились по ту сторону. Засов на двери был заперт с моей стороны. По-видимому, кого-то закрыли внутри. Но кого и зачем?

Насколько я знал, бункеры строили для того, чтобы выжить в случае какой-то техногенной катастрофы. Будь то крупная авария, взрывы, атаки извне. Поэтому логично было сделать засовы внутри убежища, а не снаружи. Я прислонился ухом к двери, стараясь не шуметь. Это действительно были чьи-то голоса. Мужчины спорили о том, что следует делать дальше и куда им идти, и вой был вовсе не собачий – это был женский плач. После крика одного из мужчин о том, что они даже не могут открыть эту чертову дверь, я подумал, что опасности они не представляют:

– Эй, там, за дверью! Вы меня слышите?

На несколько секунд наступила мертвенная тишина. В одно мгновение я вдруг пожалел о своем вмешательстве, ибо даже женский плач прекратился.

– Да-да, там есть кто-то? Снаружи? Вы можете открыть нам двери, пожалуйста! Мы застряли тут и... и у нас есть раненые! – почти в самую дверь четко и громко проговорил один из мужских голосов.

Меня несколько насторожило слово «снаружи». До сих пор мне казалось, что я нахожусь внутри. Все это выглядело как-то не так. Глупо, нелогично, подозрительно и совершенно неуместно в данных обстоятельствах. Мне нужны были ответы:

– Вас там заперли? Что вы видите?

– Нас... нет! Мы пришли сами, за нами гнались! Они там, на улице, по ту сторону двери! И могут прорваться в любой момент! Пожалуйста, помогите нам!

Женский плач возобновился, но уже слабее. Их как минимум трое. Если это какая-то ловушка, то я едва ли смогу справиться со всеми в таком узком коридоре. Но как бы глупо ни было верить женским слезам, я все-таки поддался порыву сопереживания и отворил засов. Дверь скрипнула, а в комнате стояли обыкновенные люди, не спешащие выходить, как они считали, наружу. Вид у них был напуганный и озадаченный. Не знаю, что конкретно вызывало у них такую реакцию – открытая дверь или я.

Они стояли в комнате со стеллажами, практически пустыми. Где-то виднелись старые коробки с припасами – какие-то консервы и галеты, судя по всему. Пара бутылок с водой были распечатаны. Внизу стояли коробки со спичками и несколько керосиновых ламп. В комнате распространился слабый кисловатый запах. Смесь железа и ржавчины, я бы даже так сказал. В конце комнаты была металлическая дверь, тоже на засове. Почти в самом углу, прижимая ладони к лицу, плакала та самая женщина – обычного телосложения, среднего роста, темные кудрявые волосы ниже плеч и смуглая кожа. На ней было простое зеленое платье из ситца, темно-зеленые туфли и большой янтарный браслет. Странное сочетание. Ноги у нее были ободраны, а из руки сочилась кровь. След на плече очень напоминал укус. Чуть поодаль от нее стояли те самые мужские голоса – один чуть смуглее женщины, выше ее на голову, массивный мужчина лет тридцати пяти с короткой стрижкой. На нем были темные брюки, вываленные в грязи и изрядно помявшиеся. Майка тоже была настолько испачкана в земле, что я едва ли взялся бы с первого раза назвать ее расцветку. По нему сразу и не понять, то ли он просто накачен, то ли чутка перебрал в весе. Справа от него стоял худощавый парень в молодежной куртке и рваных джинсах. Лицо слегка вытянуто, проглядывалась борода и свалывшиеся волосы, длиной до шеи. Выражение лица немного туповатое, и, в целом, парнишка походил на бродягу или нищего музыканта. Он вытаращился на меня и хрипло произнес:

– Ну и видок.

– Ага, – я немного опешил, – Вы кто такие?

Ко мне на пару шагов приблизился массивный и встревожено заговорил:

– Мы туристы, приехали в Зеленый Крест на отдых. А там эти безумные... напали на нас, укусили мою жену! – он обнял плачущую девушку, которая боязливо поглядывала на меня, – Ей очень больно, и кровь сочится! Нам нужна помощь!

– Безумные? Их несколько? И они... – я надеялся, что просто не так понял или навывдумывал себе, пока его слушал, – Укусили ее?

– Да! – лицо массивного было наполнено неподдельным возмущением и гневом, – Прямо за плечо! Дикари какие-то! Все перемазанные, обезумевшие! Страх да и только.

Он крепко прижал к себе жену, пытаясь унять очередной приступ паники. Ко мне приблизился парнишка:

– Меня зовут Мэл. Это Кристи, а это, – он кивнул на здоровяка, – Томас. И вот еще Сандра...

Парень кивнул в левый угол комнаты. Там, сидя на полу и обхватив худые колени, сидела беловолосая девушка с побледневшим лицом и впавшими в глазницы большими глазами. Она испуганно покачивалась из стороны в сторону, бросая пустой взгляд то на меня, то куда-то в пол. Джинсовка позвякивала стучавшими о стеллаж пуговками, а обтягивающие джинсы позволяли рассмотреть ее костлявые слабые ножки. Судя по ним, девушка была ниже всех остальных. Ну и моложе, насколько я понял. Подросток, не иначе.

– Она оцепенела, тоже не знаем как быть, – проговорил Мэл, – А ты кто? Как звать, в смысле?

– Малкольм, – четко проговорил я, – Надо найти аптечку. Это бункер, здесь просто не может не быть аптечки.

С этими словами я принялся обыскивать стеллажи, а парнишка одобрительно кивнул и последовал моему примеру с другой стороны комнаты.

Полки заржавели, местами на них роился всякий пост апокалипсический хлам – лампы, сух пайки, бутылки, спички, одеяла. Но, что странно, нигде не было медикаментов.

– Как ты тут оказался? – поинтересовался Мэл, перебирая очередную коробку.

– Не помню точно. Очнулся в лесу, лил жуткий дождь. Думал, что сплю и просто переживаю один момент из прошлого. Пока на меня не напал этот полоумный.

– Какой? – парнишка остановился и обеспокоенно вытаращил на меня зенки.

– Да есть тут один... хозяин дома, по-видимому. Гонялся за мной с молотом. А вы не видели дом в лесу? Прошел я не так уж и много, пока не встретил вас. Если вы спустились сюда и сразу же оказались в тупике, то просто не могли его не заметить.

– Не знаю. Может, видели, да внимания не обратили. В жизни так быстро и долго не бегал.

– Ха, охотно верю, – нервно выдохнул я, – Нашел.

В нише стены прямо за одним из стеллажей была небольшая выемка с дверками, на которых какой-то неподходящей по цвету краской вывели неровный крест. Ручек у ящичка не было, но немного надавить на дверки оказалось достаточно. В аптечке аккуратной стопкой лежали бинты и жгуты, рядом стояли бутылки с перекисью, обезболивающими и еще какими-то лекарствами. Я протянул подошедшему ко мне Томасу бинты и бутылочки, получил наскоро выдвленное «спасибо» и вновь начал копаться в аптечке. Ко мне медленно подошел Мэл и слегка трясушимися руками протянул рюкзак, который, судя по всему, принадлежал ему:

– Надо взять сколько сможем. Мало ли что.

Я кивнул в знак согласия и принялся набивать раскрытое отделение различной медицинской поклажей. Присмотрев небольшой фонарик, я сунул его в карман. Знаю, что с ним следует сделать. Убедившись, что моя рана на руке уже не кровоточит, я осторожно обработал ее и перевязал. Теперь будет легче.

Докинув последние обезболивающие в рюкзак, я передал его Мэлу:

– Закинь остальное, что можно. Еду, питье, спички. Керосина немного. Пойдем с лампой. Не уверен, что во всем бункере есть свет. Я пока отойду.

Парень молча принял эстафету и взялся за дело. Проходя мимо всхлипывающей Кристи, я на секунду замер, взглядевшись в приготовления Томаса, а потом поймал его вопросительный взгляд:

– Помочь? – я кивнул на рану его жены.

– Нет, сам справлюсь. Я был хирургом пару лет назад, – проговорил он несколько раздраженно, продолжив копаться с бинтами.

Я не винил его за резкие фразы. Им неплохо досталось, судя по всему. Но сейчас у меня было другое, не менее важное дело. Я сел перед нервно дрожащей девочкой и постарался взглянуть в поблескивающие через челку зрачки. Глаза у нее были широко раскрыты, она практически не моргала и слабо покачивалась взад-вперед, пытаясь удержать равновесие. Тонкие розовые губы что-то бесшумно шептали, будто выводили неслышную молитву. Она двигала ими монотонно, будто повторяя какую-то незамысловатую фразу. Я медленно потянул к ней руку, так, чтобы она видела это. Девушка даже не дернулась. Осторожно убрав челку со лба, я снова начал всматриваться в ее лицо. Она была по-своему красива для человека. Бледненькое личико с почти что матовой кожей, ровные черные реснички. Аккуратные тонкие бровки чернели над глазками ровными дугами. Сами глаза у нее были зелеными, не слишком яркими. Больше напоминали цвет осенней травы, что-то с такой печальной желтизной. Зрачки сузились настолько, насколько это было возможно, даже несмотря на не слишком яркое освещение. Я достал из кармана небольшой фонарик, направил его на свою ладонь, щелкнул выключателем и убедился, что устройство работает. Сперва аккуратно поводит лучом у нее перед носом, освещая голые коленки, пробивающиеся через прорези на джинсах. Коленочки были идеально белыми, словно из снега. Девушка никак не отреагировала. Тогда мне пришлось медленно переводить луч прямо в зрачки, проверяя реакцию. К моему сожалению, они не отреагировали.

Удивительное дело. Я читал, что от страха зрачки расширяются, а у нее – наоборот. Сжались и совсем ничего не видят перед собой. Не испуг, а нечто неясное. Будто она и не человек вовсе.

– Сандра, – тихо прошептал я, чтобы не испугать еще больше, – Приходи в себя.

– Не поможет – раздался сзади голос Мэла, – Я уж даже и пощечину ей давал, не очухивается. Надо что-то делать с ней. Водой в лицо брызгал – никакой реакции. Тряс с минуту – ничего.

Он натянул на плечи рюкзак и поставил рядом еще один, чуть больше. Он принадлежал Томасу, не иначе.

– Перекусите пока втроем, это поможет Кристи успокоиться. Воду пусть попьет, только медленными глотками, слышишь?

– Я ей виски плесну в воду, у меня есть, – раздался суровый голос Томаса позади меня. Он все еще копошился с перевязкой.

Я одобрительно кивнул Мэлу, мол да, правильно говорит товарищ. И вновь принялся разбираться со стрессом подростка.

Что же с ней такое? Странный какой-то испуг. О таком я даже не читал, не то что видел. Сужение зрачков пугало больше всего. Я засучил рукава на ее джинсовке и внимательно рассмотрел руки.

– Слушай, Мэл, она что-то принимала? Какие-то лекарства, например. Ела что-то в лесу? Что-то необычное, странное. Грибы там, ягоды? Отравилась, может?

– Нет, – уверенно сказал он, распечатывая паек, – Мы вместе шли, да и не было у нас времени в такой дождь что-то в лесу собирать. Ну и таблетки она не пила. Не болеет ничем.

В принципе, логично. Вот только, все равно не сходится. Я соскочил с места и ринулся к рюкзаку. Меня вдруг осенило.

– Фто ифефь? – пофыркал парень с набитым ртом.

– Есть тут кое-что... должно быть, по крайней мере. Вот оно!

Заветный пузырь с нашатырем. Уж если и он не приведет ее в чувство, то я прямо не знаю. Открутив крышечку, я медленно поднес резко пахнущую жидкость к носу девчушки. Та, как по мановению волшебной палочки, резко дернулась и испуганно уставилась на меня, теперь уже расширенными зрачками. Забывшись в угол еще сильнее, девочка принялась оглядывать своих спутников, виднеющихся за моим силуэтом.

– И что это было? – не понял Томас.

– Самый странный обморок на моей памяти, – объяснил я, – Потеря сознания без самой, собственно, потери сознания. Как бы странно не звучало. Прощупал пульс и вдруг понял, что сердце почти не бьется. Организм отключился от происходящего, но моторику и определенную бодрость сохранил. Что ты видела? – обратился я уже к Сандре.

Девушка нервно сглотнула. Мэл тут же протянул ей воду. Она жадно выпила всю бутылку, вытерла губки запястьем и уставилась на меня:

– Жизнь. Перед глазами пролетела. Молиться начала, спасения просила. Страшно. Где мы?

– Бункер какой-то, пес его знает, – заговорил Томас, глядя в пол и отхлебывая виски из фляги, – Ушли от погони. Погоню помнишь?

Она судорожно закивала головой, увлекая верхнюю половину тела, а пуговички вновь забренчали, постукивая о край стеллажа, к которому она прижалась. Кристи тоже начала приходить в себя, прихлебывая то воду, то вискарь из фляги своего мужа. Она жадно хрумкала галеты. Так, будто несколько дней голодала, а теперь, наконец, дорвалась до первой доступной пищи. Томас, казалось, не жевал вообще, а сразу глотал. Мэл протянул мне пачку. Я вежливо помахал рукой перед лицом. Не голоден.

Прижавшись к стене с бутылкой воды, я молча прихлебывал из нее и думал о том, как тут очутился. Девочка под села к своим, они что-то обсуждали, но слушать мне совершенно

не хотелось. В голове жужжало, слышались какие-то неясные шепоты и шорохи. Казалось, что это у меня в мозгу, где-то далеко в мыслях. Я даже четко осознавал это, но не мог выгнать все это оттуда. Меня страшно мучил только один вопрос: как я сюда попал? Но все мои потуги вспомнить никаким успехом не увенчались. Ничего, голяк, никаких ниточек. Даже малейших просветов, которые бы сказали мне «да-да, вот оно, вертится в голове, надо только сделать еще одно усилие и ты непременно вспомнишь что-то важное, за что можно уцепиться, втягиваясь в водоворот последовательности событий, приводящих тебя в это странное и не очень нормальное настоящее». Ощущение такое, что я только-только проснулся, и мозг еще не до конца включился. Он еще отдыхает в приятной дремоте, а я нахожусь в этом неприятном полу-пробуждении. Вот только боль тут настоящая, неразличимая с настоящей, несравнимая с надуманной сознанием в процессе сна.

– Надо идти куда-то дальше, – выдвинул предложение я, – Тут оставаться мы не можем. Еда-питье хорошо, но ей, – я кивнул на Кристи, – надо в больницу. Да и припасы кончатся. Ну и, собственно, психологически тут некомфортно. Не знаю как вас, а меня искать точно никто не будет. Мне тут оставаться не сподручно. Вы идете со мной или нет?

Группа переглянулась, словно негласно что-то решая. Томас встал, переминаясь всем своим весом с ноги на ногу, и посмотрел на меня:

– Идем, конечно. Не хочу сдохнуть тут, как раненая крыса.

– Раненую крысу, скорее, сородичи съедят, – выдал Мэл.

– Это ты так помогаешь? – рявкнул на него здоровяк.

Парень лишь покорно поднял руки, обозначая низость своей позиции – «сдаюсь». Томас приобнял сидящую на плече жену:

– Идти сможешь? Успокоилась?

Та едва заметно кивнула, глядя куда-то в пол. Сандра недовольно посмотрела на Мэла, пытаясь не вербально донести свою мысль. Тот, будто понимая все без слов, слабо кивнул и что-то прошептал ей, положив руку на спину, как бы подбадривая.

Я снова вышел туда, откуда пришел, дожидаясь своих новоиспеченных попутчиков. Голова разболелась с новой силой, да и спина ни на секунду не позволяла забыть о падении. Но почему-то все это никак не перебивало мысли о том, где я был до этого. Я едва ли мог вспомнить что-то хоть самую малость важное. На глаза не попадалось ничего такого, что помогло бы мне зацепиться за обрывки нитей моей памяти. Интересно, часто ли так бывает с кем-то, что ты просыпаешься в незнакомом месте, вынужден как-то быстро реагировать, а потом – бац! Вдруг понимаешь, что ничегошеньки и не помнишь. Странное ощущение, доложу я вам. Будто ты живешь жизнь непосредственно с этого момента, а все, что было с тобой до этого, кажется лишь далеким сном. Даже временных рамок не ощутил. Как давно я был в Мандрагоре, например? Никак не вспомню. И, что самое раздражающее, у меня с собой нет абсолютно ничего. Ни сумки, ни часов, ни какого-то коммуникатора или даже потрепанного календаря, на худой конец.

Дверь скрипнула, и вся группа вышла в освещенный тусклым светом коридор бункера. Томас держал в руке керосиновую лампу, еще не зажженную. Но едва он потянулся к спичкам, как я остановил его:

– Привыкнешь к свету, незачем пока. Авось дальше пригодится.

Тот покорно кивнул и сунул коробок обратно в карман брюк. Наши шаги глухим шорохом разносились по туннелю, поднимая слабые клубы пыли. Кристи шла шаркающими шагами, теряя силы. Ее движения были слышны громче прочих, даже учитывая ее увесистого супруга. Сандра же шла неровно. Не в состоянии уловить какой-то ритм в движении, она то замедлялась, то ускорялась, виляла влево-вправо, крепко обняв себя руками. Я то и дело оглядывался, чтобы убедиться, не отстала ли она, но Мэл кивнул мне, мол «я слежу». Парням было проще

и привычнее. Ощущение такое, что прогулка по сумеречным туннелям для них обычное дело. Не сложнее, чем забить гвоздь в стену.

А проклятый коридор все никак не кончался. Он вихлял то влево, то вправо, выписывая зигзаги, но ни разу не разветвлялся. Дверей по пути мы больше не встречали. Не знаю, долго ли мы шли, но, казалось, целую вечность. Гнетущая тишина, наконец, доконала Сандру, и та решила, что будет лучше для всех о чем-то поговорить:

– Может, пообщаемся? Еще минута этих страшных шорохов и я с ума сойду.

– Дорогая? – Томас приобнял жену покрепче, – Что скажешь?

Та судорожно кивнула пару раз и что-то промычала.

– И о чем же ты хочешь поговорить? – пробурчал Томас своим тяжелым басом.

– Да пофиг о чем. О ерунде. О чем угодно, лишь бы не молчать.

Я-то все думал, что оцепенение у Сандры так быстро не пройдет, но нет. Вода и еда привели ее в чувство.

– Я всегда хотел поговорить о чем-то возвышенном, но ситуация не очень располагает, – заявил Мэл.

– Слышь, возвышенный, – хохотнул громила, – Да ты все время об этом говоришь. То музыканты у тебя на уме, то физики какие-то с их непонятными теориями, то еда в различных кафешках для студентов. Где омлет вкуснее, видите ли...

– А что ты предлагаешь? Слушать твои дурацкие военные истории? Скучища да и только. Да-да ты в армии чуть башку рядовому не снес, чуть руку тебе не отрубили. Тысячу раз одно и то же.

Они начали спорить и припираться, а девушки шли молча, озираясь то на одного, то на другого. Вот уж не думал, что такое бывает. Я немного усмехнулся, но даже сквозь споры мой негромкий смешок со звонким эхом пронесся по коридору, скользя по голым бетонным стенам.

– Извините, мы сказали что-то смешное? – буркнул Томас в мою сторону.

– Простите, – без нотки сожаления выдал я, – Но как вы, столь разные и друг другу поднадоевшие, оказались тут вместе? У вас едва ли будет что-то общее.

– Долгая история... – выдохнул Мэл.

– Да чего тут долгого? – заворчал бугай, – Взяли мы этих двух хулиганов на воспитание. Родители их попросили. Говорят, «возьмите их в поход, в лес. Пусть учатся ответственности у серьезных людей». А я, дурень, согласился. Может, и не взял бы, да жена попросила!

– Да не больно-то и хотелось с вами тащиться! – твякнула Сандра.

– Ты мне поогрызайся еще! – Томас начал выходить из себя

– Поперлись в этот ваш лес, а тут психи какие-то обитают! Родня ваша что ли? Сожрет еще...

– А ну тихо, прошматроска малолетняя! – завопил Томас.

Я уловил едва различимый шум впереди и тут же топнул на группу шагавших, угрожающе шикнув:

– Я что-то слышал. Прекратите немедленно и не двигайтесь. Стойте тихо.

С минуту мы молча вглядывались в темнеющий впереди туннель, пока совершенно четко не услышали какой-то металлический лязг. Перекинувшись понимающими взглядами, двигаться дальше никто не стал, пока вновь не послышался этот далекий звук. По коже пробежала неприятная дрожь, шерсть на руках встала дыбом. Не нравился мне этот звук. Было в нем что-то такое... коварное.

– Давайте не пойдем, – зашептала Сандра.

– А что ты предлагаешь? Развернуться и снова туда, к кусачим? – уже спокойно спросил у нее Томас.

– Страшно мне, – подвела она к основной мысли.

– Всем страшно, – поддержал ее Мэл, – Но обратно мы не пойдем. Там известно, что нас ждет. А тут... есть шанс выбраться.

– Лучше чем ничего, не так ли? – я пожал плечами и подумал, что выбора особо и нет, – Держитесь позади меня. Хорошо?

Все, как один кивнули, а я сбавил шаг, стараясь идти как можно тише. Правда, толку от этого, если мои спутники все равно шумят, спотыкаясь и шаркая подошвами по холодному полу. Каждый шаг отдавался стуком сердца все быстрее. Быть может, пульс, подсакивая, сильнее гнал вперед, или же желание выбраться так сильно овладело мной, но я ускорил шаг, шикнув на Томаса при попытке меня притормозить. Думаю, они хотят выбраться не меньше моего, а для этого кому-то следует быть более решительным. Почему именно мне? Потому что им есть кого терять. Как бы печально это не звучало, но меня оплакивать никто не станет, случись что-то непоправимое. Конечно, они могут умереть сразу же после меня, но кто знает наверняка? Я мог бы выиграть им время, если будет какой-то путь к отступлению. Один маленький шанс гораздо лучше, чем никакого. Безусловно, я не хочу умирать, да еще и в муках, не приведите звезды к такому исходу. Я был готов к этому ровно настолько, насколько и они, но только чуточку больше. Чем угодно готов был поклясться, что висел на волоске от смерти чаще, чем все они вместе взятые.

Коридор сворачивал направо, практически в непроглядную темноту. Я махнул группе рукой, чтобы они не высовывались, а сам достал из кармана фонарик, шелкнул выключателем и осторожно выглянул за поворот, лизнув лучом света стены. Яркости прибора было недостаточно, чтобы заглянуть далеко, но этого хватило, чтобы понять откуда был этот металлический стук. На левой стене была стальная дверь с каким-то символом. Я еще раз прошерстил лучом света коридор поглубже, убедившись тем самым, что впереди никого, и вышел к двери, ни слова ни сказав. Парни последовали за мной, держа девчонок за руки. Присмотревшись к двери вблизи, стало понятно, что за символ значился на ней – слегка потертый знак биологической опасности. Почему-то зеленый.

– Ну, сюда мы точно не войдем. Нужно идти дальше, – заключил Томас.

– Да ты прям гений! – огрызнулась скрючившаяся от подземельного холода Сандра.

– Меня больше беспокоит то, что стучит по ту сторону. Кто это может быть? – заволновался Мэл.

Почесав затылок, я вдруг понял, что стук по ту сторону прекратился сразу же, как они заговорили. Это натолкнуло меня на мысль:

– Тихо как-то. Кто бы там ни был, он нас слышит, я полагаю. Попробуем поговорить с ним?

– Да ты издеваешься что ли? Мало ли кто там! – рявкнул Томас.

– Аргумент. Вот только я бы вам не открыл, если б не заговорил с вами.

– Значит, ты хочешь выпустить оттуда кого-то смертельно больного? А еще, может, и очень опасного? – он никак не унимался.

– Нет, – осадил его я, – Хочу выяснить, что с ним случилось и что это за опасность такая. И какого черта в бункере. Не считаешь это странным? Авось и дальше по коридору что похуже обитает, – я снова прошарил даль фонариком, – Мне вообще кажется, что там уже какая-то шахта начинается. Опыт подсказывает, что под землей твари и похуже могут быть.

– Убедил, – сдался здоровяк, – Эй, там! За дверь! Слышно вам нас?

В ответ была лишь тишина.

– Что-то он не стучит даже. Как-то жутко, да? – Мэла потрянуло.

– Есть такое, да, – прижалась к нему Сандра.

Кристи, видимо, теряя силы, не могла уже ни говорить, ни двигаться толком. Да еще и этот могильный холод внизу не давал покоя. Заметив это, Мэл снял свою куртку и отдал Томасу, чтобы тот укутал свою жену.

- Может, мы сможем вам помочь? – подхватил я, – Просто скажите что-нибудь!
– Вы вообще нас понимаете? – крикнула Сандра.

И вновь лишь тишина была ответом. Кто бы там ни был, он, похоже, или уже ушел, или молча нас слушал. Это означало лишь одно – что-то не так. В обоих случаях я ощущал опасность. Холодок пробежался по коже. Взяв керосиновую лампу и спички у Томаса, я попросил сам керосин у Мэла. Мы зажгли лампу, вызвав вопросительные взгляды у женской половины.

- Пойдем дальше. Впереди темно, без света будет тяжело и небезопасно, – объяснил я.
– Да, я в эту дверь зайду только под страхом смерти, – согласилась Сандра.

Сердце застучало еще сильнее. Оба варианта моему нутру не понравились, но в шахте хотя бы не было символа опасности. Знаков на стене об обвалах я тоже не высветил. Почему бункер ведет то в дом, то в шахту, то черт пойми куда вообще? Это место становилось все страннее с каждым часом. Холодный бетонный пол кончился, оставив перед собой лишь голую землю. Стены тоже оборвались, переходя в арматурные сетки и деревянные перекладины. Чуть дальше на стене висела табличка «Вход в шахты. Зеленый крест. Третья очередь. Выработка угля. Посторонним вход запрещен». Час от часу не легче. Сандра предложила развернуться и снова отправиться туда, откуда они пришли. Понадеялась, что те твари, которые покусали Кристи, уже ушли и не опасны. Еще предложила пойти по тому пути, откуда пришел я. Но этот вариант мне тоже пришлось отместить еще в зародыше. А предложение вернуться в лес и вовсе вызвало у Кристи приступ паники. Выбора не оставалось – только вперед.

Земля была такой же холодной, как и бетонный пол, но более мягкой. Приходилось чаще смотреть под ноги, ибо девочки пару раз запинались об небольшие торчащие камешки. Развилка тут тоже не было. Но, не успели мы пройти и нескольких минут, как уткнулись в обвал. Тупик, господа. Дальше дороги нет.

- Что, и это все? Выходит, зря мы шли? – забеспокоился Мэл, – Только время потратили и силы. Что дальше-то?
– Да это издевательство какое-то! – Томас снова начал заводиться, – У моей любимой уже сил нет куда-то идти! И что теперь? Возвращаться? Ерунда какая-то, а не...

Но не успел он закончить, как раздался женский визг. Мы резко обернулись назад. Это была Кристи. В туннеле в тупик вели два параллельных коридора, судя по всему. Это тот единственный путь, который мы не увидели, вот только это было уже не столь важно. Кристи завопила от боли – за ногу ее укусило страшное, исхудалое человекообразное существо. Возможно, когда-то оно и было человеком, но сейчас это был грязный ком плоти, который вцепился ей в икроножную мышцу. Томас попытался ее спасти, со всей дури ударив тварь ногой по голове. В этот короткий миг, когда стоящая рядом Сандра отскочила к Мэлу, я понял, что уж теперь-то точно, кроме как назад, пути нет. Фонарь осветил медленно ползущие к нам кожаные мешки, а за ними послышался бег и кряхтение.

- Эти твари опять бегут за нами! – завизжала Сандра, схватившись за голову.

Кристи повалили наземь, ее глодали уже две твари, сломав одну ногу. Я понял это мгновенно, по костяному хрусту и неестественному положению ноги. Томас яростно взревел, но Мэл, что было сил держал его, не подпуская дальше в темноту:

- Ей уже ничем не помочь, надо уходить! – кричал он здоровяку практически в самое ухо.

Крик бугая мгновенно перешел в надрывный плач, он буквально падал на колени, вытянув руки в сторону уже практически обглоданной наполовину супруги. Тянулся всем телом, но ноги его не слушались, не давая сдвинуться с места. Сандра отбежала чуть назад и гортанно завопила «бежим». Я махом поднял на ноги Томаса и потянул за уже убегающими подростками. Для странных трупобразных людей эти твари двигались довольно неплохо, а аппетит у них был, что у крокодила. На несколько секунд перед глазами застыла картина, как двое тощих мужских тел смачно с неприятными звуками брызгающей крови откусывают свежую

плоть от несчастной женщины, чьи крики до сих пор пронзали коридоры. Мы мчались вперед, что было сил, хватаясь за возможность выжить.

Добежав до двери с биологической опасностью и осознавая, что вернуться в самое начало пути нам уже не светит, я огляделся на шахту, выхватив лучом света наступающих нас тварей.

Взявшись за ручку двери, на долю секунды задержав дыхание, я посмотрел прямо в глаза испуганной Сандре и, сказав всего одну фразу, с силой открыл двери:

– Бойся своих желаний.

Мы забежали внутрь, захлопнули дверь и задвинули засов. Там, за дверью, через пару секунд послышались стуки тех существ, что жаждали свежего мяса. Меня всего колотило, и отклеиться от двери я смог не сразу. Очухавшись, мы осмотрели комнату, в которой оказались. Помещение было не похоже на то, что я видел в Зеленом Кресте до этого. Современное яркое освещение, какие-то пульта и, похоже, свинцовые стены. Больше напоминало какую-то лабораторию. Я вновь посмотрел на Сандру:

– Что ты там говорила про эту дверь, м?

Она испуганно дрожала, пытаясь придумать какое-то оправдание. Я лишь устало махнул рукой. Томас уже слабо ныл, упав на колени. Он лил слезы по своей почившей жене, которую сожрали заживо прямо у него на глазах. Мэл хотел его успокоить, но понимал, что все бесполезно. Я же оглядел помещение еще раз. Никакой опасности на первый взгляд не было. Станных и ядовитых запахов тоже не ощущалось. Лаборатория выглядела вполне стерильной, словно ей еще ни разу не пользовались. Но я точно знал, что по эту стороны двери издавался металлический лязг. Значит, кто-то тут все же есть. А может и был, но уже ушел. Я подошел к Томасу:

– Идти можешь? – это было не совсем уместно в данных обстоятельствах, но оставить его погибать из-за истерики мне тоже не особенно хотелось.

Том всхлипнул несколько раз, вытер тыльной стороной руки слезы, и, посмотрев на меня покрасневшими глазами, закивал. Мэл помог ему подняться на ноги, дал бутылку воды, которую тот жадно выцедил до дна. Разобравшись с водой, он осушил и свою флягу с виски. Мало-помалу, ему стало чуточку легче.

Впереди виднелась очередная дверь. Раздвижная, судя по всему. Открывалась она картой доступа, которой, разумеется, рядом не было.

– Тупик? – испуганно прошептала Сандра.

– Не знаю. Надо поискать ключ. Вдруг где-то тут остался. Что думаешь? – я посмотрел на Мэла.

Тот лишь одобрительно кивнул, исследуя окружающее пространство. Я закрыл лицо ладонями и слегка потер его. На что нам весь этот бред? Какого черта тут вообще происходило тогда и происходит сейчас? Вся эта история дурно выглядит. Но сильнее всего бесит то, что я так и не вспомнил, как тут очутился, и зачем вообще.

Вчетвером мы принялись обшаривать лабораторные пульта и столы. Я нашел какие-то водительские права на имя Дороти Хэмбэлл. Никаких дат, что странно, на них не было. Еще несколько фотографий этой же Дороти с ее семьей – две девчужки блондинки лет семи и десяти, лабрадор и брюнет муж. Счастливые улыбающиеся лица на лужайке. Ни в какой разрез не идет с нынешней ситуацией. Сзади фотография была подписана – «Зеленый Крест. Отдых всей семьей». И маленькое сердечко черными чернилами. Ничто на фото не связывало эту женщину с этим безумным местом. Через пару минут Томас нашел карточку доступа. Это была простая белая магнитная карта без опознавательных знаков. На ней висел какой-то брелок с красной машинкой. Я повертел карту, чтобы убедиться, что она действительно существует (я уже не верил, что тут вообще что-то существует) и направился к двери. Помедлив несколько секунд, я обернулся на своих спутников:

– Готовы? Там может быть что угодно.

Они неуверенно кивнули. Я закрыл глаза, глубоко вдохнул и провел картой по замку. Зеленая лампочка дала знать, что доступ разрешен, и мы вошли в очередную комнату, тающую в себе неизвестность.

Но на этом наши злоключения не закончились. Стоило войти внутрь, как на нас уставилось несколько дул ружей – «теплая» встреча трех оперативников во всей снаряге. Лица они скрывали за шлемами с зеркальными стеклами. Черная броня, обвесы на оружии боеприпасы на поясах. Мы послушно подняли руки, а дверь за нами закрылась, издав неприятный писк. Хоть оперативники были и первым, что бросилось мне в глаза, это было далеко не самое страшное, что находилось в помещении. По бокам располагались стеклянные клетки, в которых сидели те самые твари, готовые сожрать каждого, до кого только смогут дотянуться. Они стучали в стекла, облизывая их синюшными языками, слюнявя поверхность неприятными зелеными жидкостями, вязкими и пузырящимися.

– Вы кто такие? Как сюда проникли? – заговорил один из оперативников сквозь свой плотный шлем.

– Мы – туристы, – первым заговорил Мэл, – Пришли в Зеленый Крест на отдых, а на нас напали. Ну, мы и спрятались тут. Мы не врем, правда.

Вот Мэл вроде и умный парень, но действительно слегка туповат. Не знает, что фразы по типу «мы не врем, правда, честное слово» только больше вызывают подозрения.

– Есть с вами еще кто-то? – подключился второй бронированный.

– Была одна женщина. Ее... съели. Жена моя, – чуть ли не сквозь слезы выдавил из себя Том.

– Вы проникли на запрещенную территорию, – подключился третий, – Вас приказано немедленно ликвидировать.

Томас думал недолго. Он прыгнул к пульту управления и нажал первую же большую кнопку, которая ему попала. Только потом мы все осознали, какую огромную ошибку тот совершил. Пригнувшись и разбежавшись от выстрелов оперативников, мы скрылись в черед столы и пульта управления. Раздался какой-то странный сигнал. Послышалось громкое «вот черт». Я осторожно выглянул из-за пульта и тут пронесся звук разгерметизации... Томас открыл клетки с безумцами. Послышалась очередь из выстрелов. Теперь эти трое отстреливали чьи-то неудавшиеся эксперименты. Воспользовавшись моментом, я кивнул ребятам, мол «надо бежать», и двинулся через столы к противоположному выходу, который тоже открывался ключ-картой. Сзади слышался шум. Обернувшись, я понял, что Томаса уже пожирают, откусив ему добрую половину шеи. Голова со страшной и неестественной гримасой боли и ужаса, упала на холодный пол. Сандру в пылу перестрелки зацепило шальной пулей прямо в живот. К ней уже подбирались твари, ее было не спасти. Мэл выхватывал оружие из рук оперативника, но тут же был застрелен другим. Я судорожно открыл двери и захлопнул их за собой, улавливая звуки свиста пуль, которым было совсем не до меня. Из колонок слышалось «Помещение альфа: доступ заблокирован. Разгерметизация». И лампочка на замке для ключ-карты потухла, а прежде яркое освещение коридора сменилось на аварийное красное.

Буквально за несколько секунд, вот так быстро и стремительно, погибло несколько человек. Я и сам не заметил, как меня оцарапало пулей. Из плеча шла кровь. Да и нога вдруг резко заболела. Вдруг заметил, что штаны мои порваны, а на голени заметен небольшой след от челюстных зубов. Во всей этой суматохе я не ощутил сразу двух травм. Рюкзаки остались там, у погибших. Перебинтоваться не представлялось возможным.

Оглядев длинный коридор, в котором я очутился, мне стало еще больше не по себе. Много клеток, твари в них, уставившиеся на меня, стремящиеся прорваться наружу. Благо, что тут никакой разгерметизации не произошло. Томас поступил ужасно глупо. Но, кто знает. Возможно, если бы не он, нас бы просто перестреляли, как чумных животных. В аварийном

освещении эти уроды казались более жуткими и опасными. Я ускорился на пути к выходу, понимая, что все это неспроста. И я был прав.

Из колонок послышалось «Ликвидировать эксперимент» и комната начала наполняться каким-то газом. Мне не хотелось проверять, что же будет, и я сиганул по длинному коридору, задержав дыхание. Заветный выход был все ближе, а я слышал, как в камерах уже умирали от удушья чьи-то ужасные и ненасытные творения. Еще немного, еще несколько метров и я окажусь на свободе.

Вот только замок не работал – питание отключено. Я уже было попрощался с жизнью, но что-то вдруг сказала во мне, что нужно непременно выбраться. Толкнув, что есть сил, проклятую дверь, я вдруг понял, что она не заперта. Мне не хотелось останавливаться ни на секунду, и я все бежал и бежал вперед.

Бежал я уже по темному лесу, в дождь. Он достаточно сильный, чтобы ничего не было видно, но и не слишком слабый, чтобы не обращать на него внимание. Через несколько долгих метров, когда дверь уже совсем не была видна, я остановился, уперся спиной в дерево и перевел дыхание. Что бы там не происходило, я хочу забыть это как можно скорее.

Задыхаясь, мне с трудом удавалось уловить биение своего сердца. Казалось, что оно уже не в состоянии снизить темп. Минут через десять, не меньше, я пришел в норму настолько, насколько это было возможно. Ничего более жуткого я и представить не мог. Оторвавшись от дерева, успокоенный холодным дождем, все же двинулся дальше. Кажется, где-то впереди горел какой-то фонарь.

Вся эта суматоха была похожа на сюрреалистичный кошмар. Слишком много быстрых решений за последние несколько минут. Я опять начал страшно злиться на свою предательницу-память, не позволяющую мне вспомнить ничего, что было до этого дьявольского Зеленого Креста, будь он неладен. Дождь усилился, смотреть вперед было все сложнее, но я упорно огибал деревья и шагал, ведомый слабым лучом надежды, надеясь не повстречать на своем пути никого – ни людей, ни оперативников, ни монстров, пожирающих заживо.

Протерев лицо рукой, я встал под дерево и посмотрел вперед. Передо мной снова стоял проклятый дом, с которого все началось, словно никуда и не уходил. Это шутка такая? Мой разум окончательно свихнулся? Я же стоял здесь неизвестно сколько времени назад! Не могло мне причудиться!

Сзади послышался какой-то шорох. Я обернулся и, последнее, что мне довелось увидеть – лезвие топора в сантиметре от лица.

Глава II. Безмятежность

*Посвяти мне свое сердце,
Подари мне свою душу.
Мною будь, как мечтой, одержан.
Как ветрами утес, разрушен.*

*Отдавайся мне без остатка,
Оживая с утра до ночи.
Я желанно целую, сладко,
И нурсна тебе очень-очень.*

*Обнимай меня до рассвета.
До заката целуй устами.
Мы – заложники тет-а-тета,
Что потеряны между мирами.*

Живой. Главное, что живой. Это первое, что подумалось мне. Память вернулась в то же мгновение, как я очнулся в кресле. Все вдруг встало на свои места, вот только легче от этого не было. Кровь в висках стучала, сердце колотилось с бешеной скоростью.

Это был мой первый опыт на симуляторе. Долго же я противился садиться в эту машину, и не зря. Только испытал ее на себе понимаешь, что она в прямом смысле может свести с ума. Конечно, все впечатление после симулятора сглаживает окружающая обстановка: теплый и уютный каменный камин, перед которым ты в мягком кресле, напоминающем купол, лежишь вполне себе комфортно, втягиваясь в реальность под треск горящих дров и мягкий запах ночных цветов. Не открывая глаз, я потер виски, нормализовал дыхание и расслабил каждую мышцу своего перенапряженного стрессом тела. Просыпаться от кошмаров очень неприятно. Уверен, что это чувство вам знакомо, не так ли? Так вот, просыпаться от симулятора в тысячи раз противнее. Настолько это адская машина реальна. Она проникает в твое подсознание, твою психику, выуживая все эмоции, какие вздумается, как фрукты из авоськи. Но самое ужасное во всей этой ситуации – бессилие, которое ты даже не осознаешь. Барахтаешься как рыба на берегу, пытаешься отыскать воду, и даже не подозреваешь, что заперт в духовке, а смерть стремительно протягивает к тебе свою костлявую руку. Ты все еще надеешься вырваться, спасись и вернуться в привычное состояние, но надежда – твой злейший враг. Наверное, мудрецы правы. Не всегда есть смысл бороться до последнего. Порой бывают и такие ситуации, когда менее болезненно будет просто смириться. Вот только как понять в каких именно ситуациях? Непонятно.

Я открыл глаза, уставившись в камин. С минуту просто пялился в огонь. Тихо и спокойно, без единого движения. Вставать совершенно не хотелось, но я себя переселил. Понимаю, что даже если я до сих пор в симуляции, то не осознаю этого – боль ощущается как в реальности, так и в этой клетке подсознания. Но я все равно должен ощутить жар пламени, юркие язычки, облизывающие мои вспотевшие от страха ладони. Усевшись на колени, я осторожно сунул руку в камин, держа ладонь на безопасном от огня расстоянии. Тепло. Нет, даже жарко. Но, черт меня дери, приятно. Намного лучше пережитых только что запахов, звуков, чувств. Я снова в городе Совета.

С каждым новым приключением очутиться тут все больше напоминает возвращение домой после долгого отсутствия. Ты чувствуешь, что ты на своем месте, в безопасности, тепле и уюте. Там, где определено твоя крепость. Всегда. Город Совета стал для меня новым домом. Маленький островок безопасности в беспокойном океане всевозможных миров.

Откинувшись чуть назад, опираясь на руки, я думал о том, что еще не скоро забуду то, что произошло исключительно в моей голове. Мне казалось, что в носу все еще застряла смесь неприятных подземельных запахов, а во рту стоит металлический привкус моей же крови.

Сзади послышался скрип двери и хлопки мягких крыльев. Это был Пабло:

– Отошел, Амиго?

– Частично, – на минуту воцарилось неловкое молчание, – Нет твердой уверенности, что теперь я действительно проснулся.

– Это пройдет, даже не сомневайся. Мы даем некоторое время после пробуждения, чтобы испытуемый мог прийти в себя. Хотя некоторые предпочитают сразу же увидеть знакомое лицо, услышать любимый голос. С первого раза так и не узнаешь. Какие ощущения были при пробуждении? Хотелось кого-то видеть?

– Нет, не совсем. Хотелось... ощутить себя тут. Не знаю, как объяснить. Понять, что я настоящий, а не надуманный. Сложно сказать?

– Ну, нет, что ты, – он действительно понял меня.

Пабло стоял на полу, переминаясь с лапы на лапу, расправляя перья. Ему явно нравилось греться у камина, хотя я бы не сказал, что в городе было холодно. Птах замолчал, очищая клювом перышки, давая мне еще какое-то время, чтобы восстановиться. Время, которое действительно было необходимо.

Симулятор был очередной точкой, определенным рубежом между начинающим путешественником и осознанным воином. Никто не знал, что видел испытуемый. Важна была только его реакция на происходящее в процессе симуляции и после пробуждения. Сценарий в голове у всех был разным, судя по тому, что рассказывал мне Кобальт. Кто-то ломался, не проходя проверку. Таким обычно стирали память и возвращали их обратно в свой мир. Другие оставались на службе у Совета, но город уже не покидали. Это были продавцы, техники, строители, управленцы. Те, кто достойно проходил испытание, продолжали мотаться по мирам и устранять катастрофы мировых и межмировых масштабов.

– Нужно вернуться к Никосу, я полагаю? – не отрывая взгляд от камина, заключил я.

– Да, нужно. Но мы будем тут столько, сколько ты посчитаешь нужным.

– Лучше покончить с этим как можно скорее, – я встал с мягкого ковра, поправил мятую рубаху и направился к выходу.

Харфанг последовал за мной, хлопая белоснежными крыльями.

Какое-то противное, почти тошнотное чувство преследовало меня всю дорогу до Никоса. Не было ни тревожности, ни страха, ни омерзения. Просто всепоглощающая тошнота. Больше моральная, чем физическая.

Проходя по городу, я отметил для себя, что в нем мне гораздо спокойнее. И вполне ясно почему – тут вам никаких вторжений, нападений, врагов и опасностей. Размеренная жизнь без прикрас. Тут каждый всегда знал, что его ждет в любой момент времени. Будь это поход на рынок за снаряжением или же просто желание слоняться по городу с целью изучения местности.

Я уже предвкушал разбор полетов моего эксперимента. То, как меня будут отчитывать и разбирать каждую мою ошибку. Когда мы добрались до Никоса, он даже не обернулся:

– Как ты себя чувствуешь? – вполне спокойно и чуть строго поинтересовался он.

– Голова еще какая-то мутная, но я в порядке.

– Готов к новым свершениям? – в его голосе слышалась издевка.

– Нет, я... не думаю, что еще хоть раз куда-то отправлюсь. Больше не хочу.

После этих моих слов наступила мертвая тишина и томительное ожидание. Воздух пронзило тяжелое молчание. Мне казалось, что именно так звучат секунды до неминуемой смерти.

– Хорошо, – совершенно неожиданно выдал Никос, – Отправляйся в город, а я решу, что делать с тобой дальше.

Меня словно окатило волной прохлады. Неужели это еще не все? И что же меня ожидает в таком случае? Я решил, что разумнее всего будет поискать ответов у городских.

Добираясь до портала в город, я то и дело представлял себя дезертиром. И что же теперь со мной сделают? Ликвидируют? Может, сотрут память и отправят назад? Или ограничатся воспоминаниями только об эксперименте и отошлют на очередное задание? А они вообще умеют стирать память (как я узнал позже, да, но не всегда) или все это только слухи? Или они будут предпринимать какие-то иные меры? В очередной раз я убедился в том, что ожидание и фантазия – худшие из зол в таких ситуациях.

Слоняясь по городу, я то и дело думал, где бы мне скоротать время до часа икс. Есть не хотелось совсем, как и бродить среди толпы, протискиваясь на рынке в узкие проходы, оставленные вечно движущимся потоком существ. Я начал подумывать об оранжерее – одном из самых драгоценных для меня мест. Пожалуй, если бы вы взялись искать меня в этом огромном городе, то как пить дать, вероятнее всего, нашли бы именно там. Атмосфера внутри биокупола не напоминала мне о доме, не вызвала каких-то теплых чувств. Она просто успокаивала, умиротворяла. Это место не было похоже ни на одно другое из мне известных. Чтобы неспешно обойти все закоулки оранжереи понадобился бы не один час, это точно. Сам я побывал не везде – каждый раз останавливался на скамейках в самых излюбленных местах. Природа воистину удивительна. Такое обилие и разнообразие всевозможных растений со всех уголков случайных миров. В целях безопасности, разумеется, никаких ядовитых для кого-либо растений там не держали. Исключительно безвредная атмосфера, только и всего. Были и зоны с искусственным солнцем – некоторым видам просто необходим солнечный свет для существования. Другие находились в вечной темноте. Однако, один зал я любил больше остальных – тот, в котором находились виды растений, излучающие свет.

Каждому наставнику выделяли небольшой мирок, в котором он тренировал своего подопечного, жил и занимался делами. У Никоса тоже был такой, и мне в нем было довольно уютно. Чаще всего, это место я воспринимал не как тренировочный полигон, а как маленькое убежище, далекое от мирской суеты. Ночью меня всегда завораживала крупная, яркая луна, возвышающаяся над обрывом, и поля ярких светящихся цветов по краям озера, простирающегося далеко за горизонт. Великолепие и тишина – таким я видел это место. Для меня красота природы определялась разными параметрами, но я всегда знал одно – место, где застывает время, стоящее.

Оранжерея была для меня именно такой. Несмотря на то, что растения дышали, качались, двигались, время в этом куполе останавливалось. Кроме того, недавним собранием Совета было принято решение сменять в городе ночь и день. Это сделали для тех существ, которые живут и работают в самом городе. Им психологически намного комфортнее, когда между рабочим и нерабочим временем есть какая-то весьма ощутимая граница, помимо стрелок на часах. Конечно, ночью жизнь в городе не останавливалась. Рынок продолжал «двигаться», таверны не закрывались, но работать выходили уже ночные сменщики. Если вы когда-нибудь мечтали увидеть все разнообразие ночных обитателей всевозможных миров, то ночь в городе Совета вам в помощь.

Этот город всегда жил, но был невероятно спокоен. Каждый в нем знал, что ничего страшного тут не произойдет – не то это место, где есть потенциально опасные личности. Поэтому, среди многих миров, именно этот всегда оставался островком безопасности среди царящего вокруг хаоса и беззакония.

Приземлившись на скамью в зоне тропических растений, я начал терпеливо ждать вердикта по своему решению больше не путешествовать по мирам. Может, оно и было спонтанным, но пережитая мной симуляция частенько ломала психику. Я слышал об этом еще до того, как меня поместили в эти страшные условия – борьба у себя в голове, одержать победу в которой просто не представляется возможным. Как бы там ни было, от меня сейчас ничего не зави-

сит. Теперь ожидаю приказов или требований, в более мягкой форме – просьбы взять себя в руки, не ныть и двигаться дальше. Я принял предложенный мне уклад, а теперь хочу дать заднюю, так сказать. И все же меня мучил всего один вопрос: осталась ли у меня свобода выбора? Не зря же то сообщество, в котором я состою, называют армией. Приказы в армии не обсуждаются, а всех, кто сбегает, объявляют дезертирами, сажают или расстреливают. Фактически, я никуда не убежал. Да и ситуация Совету не в новинку. Посмотрим, как карты лягут, господа.

Мои размышления прервал приближающийся звук хлопающих крыльев. Вне всяческих сомнений, искали меня, но кричать, мол «я здесь», мне совсем не хотелось. Меня нашел Кобальт. Этот забавный белый ворон всегда мог взбодрить какими-то не совсем уместными комментариями или шутками. Он приземлился на скамью, вальяжно переступая с лапы на лапу, почистил клювом перья и приступил к сути:

– Подумал, что тебе нужна компания. Ты пробыл тут уже какое-то время, пережил какие-то приключения, но, давай смотреть правде в глаза, ты все еще птенец. Как ты? В смысле, все в порядке?

Я тоже не стал церемониться:

– Что со мной будет?

Кобальт почесал голову, повертел ею из стороны в сторону и чуть сбавил тон:

– Не особо представляю, если честно. Ты побывал уже в нескольких мирах и вернулся, как бы это сказать, – он слегка усмехнулся, – вернулся относительно невредимым. Это редкость среди местных. Если ты понимаешь о чем я. Ты чертовски удачлив. Как сойка, виляющая в небе и ускользящая от орлиных лап. Терять такого воина Совету не захочется. С другой стороны, тебя могут оставить в городе.

– В каком смысле? – я не был уверен в том, о чем сразу же подумал.

– Ну, работать будешь. Еду готовить, снаряжение ковать, карты рисовать. Мирскими делами заниматься.

Звучит неплохо. Пожалуй, такой вариант мне вполне подошел бы. Остается надеяться, что мне дадут такую возможность.

– Ты знаешь Сагроготта? – поинтересовался Кобальт.

– Сагроготта? Картографа?

– Его самого. Тоже был воином когда-то.

– Этот старик? Серьезно? – я был искренне удивлен.

Сагроготт продавал карты на верхнем рынке. Ну как продавал... фактически, продажей тут называли обмен документов на инструкции и предписания к перемещению в тот или иной мир. Суть это не особо меняет, конечно. Он был стар. Настолько стар, что борода его была длиннее собственного роста в метр двадцать. Невысокий, но мускулистый, принадлежащий к древней расе матерых зверозельфов. Состарившийся как животное, но молодой как эльф, он бодро двигался и точно вырисовывал карты без линейки и транспорта. Однако, филигранность их была безупречна. Такая качественная работа дорого стоила.

– Ну, когда-то, когда был молод и полон энтузиазма – да, – заключил Кобальт, – Тоже склонился под гнетом собственных иллюзий, отказался воевать. Вот ему и нашли занятие под стать способностям. И тебе найдут, было бы желание. Или ты того? – он забавно присвистнул, – Насовсем свинтить хочешь от нас?

– Ну что ты, – я покачал головой из стороны в сторону, прикрыв глаза, – Я очень хочу остаться, но всего лишь остаться, понимаешь? Никуда отсюда.

– Угу, понятно, – на минутку он притих, – Но имей ввиду: если ты не двигаешься вперед и не хочешь идти назад, то ты всего лишь стоишь на месте.

В его словах был смысл. Но сейчас я был готов встать на распутье и ждать мимо проезжающего транспорта. Не зная куда пойти, лучше просто постоять и подумать. Сколько бы стоять мне ни пришлось.

Часы предательски зазвенели, прерывая мои размышления. На дисплее высветилось всего одно слово – «Фонтан». Кобальт кивнул мне в сторону выхода и тут же сорвался со скамьи вперед.

К этому времени в городе уже стемнело. Улицы постепенно редели, одни существа шли в жилой квартал или к порталу, другие направлялись к своим рабочим местам. Наконец-то мне представилась возможность увидеть город Совета в ночное время. Небо разукрасили мириады звезд, собирающиеся в большие скопления в виде галактик, созвездий и систем. Загадочно переливались туманности, выписывая свои облачка космического газа нечеткими контурами. Астероиды мчались куда-то в непонятном направлении, спеша и толкаясь. Я почему-то вспомнил Луну и Пулота, которые можно было увидеть в городе Солнца. Но даже их красота не сравнилась бы с этим вечным движением вселенных. Я был очарован ночным великолепием, осознавая, насколько же скучно и серо небо в городе днем. На зданиях загорались разноцветные лампочки и фонари, горели вывески – проснулся совершенно новый город. На некоторых стенах, как оказалось, были росписи, увидеть которые можно было лишь ночью – серый дневной камень был окрашен светящейся в темноте краской! Я словно попал в другое измерение. Умер и очутился в визуальном раю. Укусите меня и назовите капустой! Это просто невероятно! Но чем больше я глазел по сторонам, тем медленнее шел. Кобальт то и дело останавливался на каждой жерди фонарных столбов, но не спешил меня подгонять. Как же ему повезло, что он может побывать в городе практически в любое время! Я был готов сменить режим дня ради такого величия.

– А ты любишь гулять тут по ночам? – поинтересовался я у Кобальта.

– Не особо, – заключил он, слегка раздумав, – Пабло любит. Он птица ночная до мозга костей, ему оно как-то ближе. Я же предпочитаю свет дня, а не фонарей и прочей искусственной живности, так сказать. А ты ночной зверь?

– Ну как тебе объяснить. Ночью куда волшебнее, что ли. Да, днем все двигается, каждый спешит по делам, что-то успеть, чтобы как следует отдохнуть ночью. В темноте, знаешь, тоже есть движение, но совершенно иное. Солнце заходит, время замедляет бег. Метафорически, конечно. И никто никуда не торопится. Можно наслаждаться тем, что происходит вокруг тебя. Солнце дарует бодрость и продуктивность, а ночь – покой и созерцание. Я, безусловно, люблю сияние звезд, но меня клонит в сон. Все дела я делал при свете солнечных лучей.

И мы замолчали. Я ощутил сильную жажду тишины. Звезды заманчиво поблескивали на темном, затуманенном космическими газами, полотне. В этой магической тишине, когда собственные шаги кажутся невероятно громкими, а шепоты вдали не так уж и бесшумны, я мечтал лишь об одном – больше никогда ни о чем не тревожиться. Наверное, в этом и состоит большое счастье маленького существа – в спокойствии. Не в бурных страстях, не в выбросе адреналина, не в массе забав и вещей. Важнее всего чувствовать себя спокойно. Мне хотелось обрести абсолютную безопасность и безмятежность, которые были весьма недостижимы, сколько бы мы к ним не стремились. В голове слабым колокольным звоном переливались звезды, капельки хрустальной воды, журчащей в фонтанах и отдающей приятной ночной прохладой, мягкий перебор чьих-то лап, ног, конечностей по дороге, тихие шепоты с нотками этого самого неуловимого спокойствия.

Проходя мимо рынка, я обратил внимание на то, как он преображался ночью. Уже не было балагана, шумных криков в попытках донести до собеседника, стоящего в полуметре от тебя, какую-то информацию. Все говорили спокойно, медленно, умиротворенно. И я все больше наполнялся этой атмосферой. Горящие лампочки, цветные фонарики и светящиеся вывески ввели меня в заблуждение – я словно очутился на совершенно другой рыночной площади. Она разительно отличалась от той, которую можно было наблюдать при свете дня. Вот что действительно я мог бы назвать магией – преображение до неузнаваемости всего лишь одним заходом солнца.

Мы дошли до фонтана на Площади Благоговения, где нас уже ждал Никос. Он не злился, не был расстроен или весел. Выражение его морды не отражало абсолютно никаких эмоций. Впрочем, так было почти всегда. Старый пес прокашлялся, прочищая глотку, уселся на бортик фонтана и заговорил, приглашая меня присесть:

– Ты хорошо подумал? Не хочешь больше путешествовать?

– Да, – я ни секунды не колебался, – Я все решил. Едва ли такие риски можно считать путешествиями в привычном смысле слова.

– Хорошо. Мы предлагаем тебе выбрать новое поле деятельности. Ты будешь работать в городе и вносить свою лепту в общее дело. Этот вариант тебя устраивает? – в его голосе слышалось недовольство, словно я ребенок, который отказывается идти в школу, а ему предлагают взамен домашнее обучение.

– Да, вполне. И кем же я буду?

– Тебе решать, – он подал мне голографическую книгу, – Вот список требуемых профессий на данный момент. Тут написано время работы, район, что требуется из личностных качеств и обязанностей. Исходя из этого и выбирай. Мы пока подыщем тебе место в жилом квартале. Ко мне теперь тебе хода не будет, сам понимаешь. Мне нужен новый воин. Будем искать новобранцев. Сегодня можешь переночевать в постоялом доме у Мати. Это в Забвенном переулке. Знаешь где?

– Угу, – я качнул головой, – бывал пару раз.

– Удачи тебе в твоих новых начинаниях. Но если передумаешь, то ты всегда можешь сообщить в Совет о своем решении. Воины постоянно нужны, времена сейчас тяжелые.

Еще несколько секунд он смотрел мне прямо в глаза, а потом поднялся, поправил рясу, махнул рукой Кобальту и направился к portalу. Птах лишь печально смотрел мне вслед со старческого плеча, пока они не повернули за угол.

Некоторое время я еще сидел на бортике фонтана, смотрел на звезды и перемежающиеся скопления туманностей. Я ощутил невероятную легкость. Мне больше не предстоит тревожиться перед новым перемещением в какой-то мир – все это позади. Я снова вернусь к той жизни, которая у меня была когда-то в Городе Солнца. Работа, повседневные дела. Даже представить не мог, насколько же соскучился по рутине! Но вот оно, пришло само собой – осознание чего-то очень важного, что раньше казалось таким гнетущим и раздражающим. Я снова сменял обстановку.

Гулять по ночному городу было восхитительно, но меня уже изрядно притомило за день. Я никогда не был в постоялом доме у Мати, да и представить себе не мог, кто такой Мати и что он из себя представляет. Двигаясь в сторону Забвенного переулка, я представлял себе то старичка в очках и с бородой, который еле передвигается, опираясь на тросточку, то зрелого мужчину с горами мышц и суровым взглядом, то уткнувшегося в газетку юношу, черкающего карандашом в разделе кроссвордов.

Открыв дверь, я услышал мягкий перезвон бубенцов. В небольшой зале горел мягкий свет. Не слишком яркий для ночи, чтобы не раздражать пришедших с улицы посетителей, но и не слишком тусклый, чтобы глаза уставали от чтения. Слабо тикали часы с маятником, раздаваясь четкими мерными шагами в тиши. Паркет из темного дерева не скрипел и не прогибался под ногами. Шторы из сиреневого бархата были практически полностью зашторены. Весь зал был оформлен в этих сиренево-черных тонах. Диванчики, стойка администратора, шкафчики с ключами, коврик, столики и лампы. Из настенных колонок тихо играла приятная музыка. Очень усыпляющая и умиротворяющая.

За стойкой сидела белокожая девушка в аккуратных овальных очках с черной оправой. За длинными, как у эльфа, ушками она осторожно спрятала длинную челку. Волосы, переливающиеся черно-фиолетовым перламутром, сзади собрала в шишечку. На локонах поблескивали белые капли, как маленькие звездочки, исчезающие при смене положения. На ней была

атласная черная блуза с широкими рукавами и рюшками на груди, как у женщин из викторианской эпохи. На воротнике красовалась идеально завязанная ленточная бабочка. Девушка, заслышав звоночек входной двери, осторожно вложила закладку в книгу, отложив свое погружение в чью-то историю, поправила очки двумя пальчиками левой руки, и повернулась на стуле ко мне:

– Добро пожаловать в постоянный дом. Меня зовут Мати. Чем я могу вам помочь?

При всей своей богатой фантазии, я даже не мог предположить, что Мати может быть девушкой. Это немного сбilo меня с мысли:

– Я... мне нужен номер, на одну ночь.

– С какой целью ночуете? Передержка при смене жилья?

– Ну, – я замешкался, – можно и так сказать.

Мати открыла книгу посетителей, пролиставала до нужной страницы и начала что-то аккуратно выводить пером:

– Ваше имя, будьте любезны.

– Ах, да. Малкольм. Малкольм Тернер. Простите, я что-то растерялся сегодня, даже забыл представиться вам и поздороваться.

– Ничего страшного, не берите в голову, – она была вполне серьезна, – Ни к чему формальности.

И она продолжила записывать, не отрывая взгляда. Лишь изредка макала перо в чернильницу.

– Одна ночь, все верно?

– Да, пока одна. Скажите, а я могу остаться подольше? Не знаю, сколько времени занимает процедура поиска квартиры.

– Да, разумеется. Просто сообщите мне о времени своего пребывания, когда будете знать. Значит, пока что я записываю вас бессрочно.

– У меня нет документов в качестве платы, которые позволили бы мне остаться у вас.

Она подняла на меня взгляд на пару секунд, но тут зазвонил телефон. Девушка извинилась, взяла трубку, несколько раз согласилась с собеседником по ту сторону провода и закончила разговор.

– Это по поводу вас. Можете остаться, документы мне принесут. Приятного отдыха в нашем постоялом доме, – она протянула мне железный ключ, – Ваш номер на четвертом этаже, четыреста восемь. Приятного отдыха и сладких снов.

Поблагодарив милую девушку, я тут же направился наверх по извилистой деревянной лестнице. Мне уже не терпелось примкнуть к подушке и уснуть. После череды пролетов, я оказался на нужном этаже. В воздухе витал запах приятной свежести. Так пахнет летняя ночь. Из круглого окна в конце коридора просачивался приятный звездный свет, ласкающий мягкими бликами деревянную оконную раму.

Дойдя до нужной двери, я вставил ключ в замочную скважину и провернул его пару раз. Красивая резная дверь из дубовых досок поддалась, но даже не скрипнула. Кажется, что постоянный дом был совсем новым. А возможно, его просто хорошо содержали.

В комнате было такое же круглое окно, слегка приоткрытое, чтобы впустить в помещение свежий воздух. Стекло было каким-то необычным, словно склеенным из тысяч кусочков. Оно искажало картину на улице, размывая причудливые формы соседних домов. Такая картинка напоминает вид из окна во время дождя. Мириады капель, искажающих привычную картину, даруя ей новую жизнь, показывая с другой стороны, более фантазийной и волшебной. Я подошел к окну и отщелкнул стопор, чтобы впустить свежего воздуха. Пусть побольше приятной прохлады наполнит мое временное пристанище, пока я не уткнусь носом в подушку.

Несмотря на то, что я очень устал и хотел лечь спать сразу же, все же посчитал нужным немного ополоснуться струями горячей воды. Войдя в ванную, я понял, что все помеще-

ния в постоялом доме, похожи, выполнены строго в одной цветовой гамме – только сиреневый и черный. Конечно, были различные оттенки, текстуры, узоры. Присутствовало и немного белого, но общая палитра не менялась.

Оказавшись в душевой кабине, я открыл воду и долго стоял под струями, просто закрыв глаза. Мне хотелось впитать в себя тишину – только шум воды и ничего более. Насколько же здорово порой просто позволить воде смыть с тебя все твои тревоги, невзгоды и переживание. Позволить своему разуму хоть на миг очиститься и передохнуть от несвязного потока мыслей. Пожалуй, самая большая проблема всех разумных существ – раздумья. Они постоянны, не дают отдохнуть ни на миг. Мы все время о чем-то думаем, не всегда с толком, мгновенно забывая, переключаясь с одной мысли на другую или просто заикливаясь на чем-то. Казалось бы, что такого плохого в том, что твой мозг работает? Но не тут-то было. Не все у нас в голове полезно для нас самих. Мы можем попусту изводить себя чем-то, сходить с ума, нагнетать и тревожить на ровном месте, злить и выводить, даже не имея на то никаких видимых причин. Поэтому просто повиснуть в своих мыслях на паузе не так уж и плохо, не так ли? Очиститься перед сном, забыть обо всем и смахнуть с себя пыль прошедшего дня.

Отключив воду и еще немного простояв в душевой кабине, я все же заставил себя открыть глаза. В этом постоялом доме в кабины был встроен фен, чтобы можно было мгновенно высушить всю шерсть или волосы (смотря, что у кого было). Я нажал на нужную кнопку и еще с минуту наслаждался теплым воздухом, выгоняющим из меня лишнюю влагу. Взглянув в зеркало, я увидел выражение искренней тревоги и усталости. Правда, тревога эта была какой-то пассивной, неявной и недоступной, взятой из самой глубины моих синих глаз, как со дна глубочайшего океана. Вдохнув полной грудью и медленно выдохнув, я очистил мысли от излишков беспокойств и приземлился на мягкую постель. Гостиничный матрас казался пределом мечтаний. Впечатление такое, что лежишь на мягком облачке под звездным небом и паришь, но не чувствуя холода и ветра. Я бы с удовольствием полежал на облаке, рассматривая звездное сияние, подмигивающее всем и каждому, кто в состоянии его увидеть. Застывая в этом круговороте мечтаний, через несколько мгновений мне довелось задремать.

Не знаю, как долго я спал, но солнце еще не взошло, когда меня разбудил стук в окно. Сквозь причудливо спаянное стекло виднелся белый совиный силуэт. Ни на секунду не сомневался, что это был Пабло. Он толкнул лапой окно, чтобы раскрыть его пошире, и приземлился на спинку кровати:

– Не сильно потревожил, Амиго?

– Нет, все в порядке, – тихо произнес я, сквозь зевоту, – Есть новости?

– Вроде того. Занес хозяйке бумаги на тебя. Можешь оставаться тут, пока не определишься с новой работой. Но я настоятельно рекомендую не мешкать с этим делом. Еще не выбирал?

– Нет, – признался я, – но хочется что-то спокойное и, желательно, не отупляющее. Есть предложения?

– Есть несколько мест, – он почесал клювом крыло, – Можешь отправиться в подмастерье к кузнецу, например. Лаборантом к магам или алхимикам. Учеником к картографам, биологам, ученым. Ну, или просто в библиотеку. Вариантов масса. А можешь быть как мы с Кобальтом. По городу часто мотаться придется, готовить воинов. Правда, очень много отчетности надо сдавать. Кажется, в некоторых мирах таких работников называют офисными клерками. Нас устраивает такая работа.

– Я подумаю. А теперь мне хотелось бы отдохнуть. Просто жажду хороших снов сейчас.

– Тогда спустись к Мати, – посоветовал он, – Попроси у нее напиток полуночника. Хорошие сны гарантированы.

С этими словами Пабло выпорхнул на улицу, оставив меня одного в пустой комнате. Прикрыв окно, я последовал совету мудрого харфанга и спустился вниз. Мати все так же читала какую-то книгу, не обращая внимания на шум моих шагов.

– Простите, мисс, я бы хотел напиток полуночника.

Она медленно оторвалась от страниц, вставила закладку в книгу и аккуратно отложила ее на край стола:

– Сейчас принесу, любезный.

– Нет-нет, что вы, я и сам могу налить. Только скажите где он.

Девушка мило хихикнула:

– Ничего страшного, я бы тоже выпила, если честно. Моя смена скоро закончится, приятный сон будет как нельзя кстати. Пройдемте со мной.

Девушка простучала каблучками до входной двери, закрыла ее на ключ, а затем жестом пригласила меня следовать за ней. Мы оказались в столовой, соседствующей с главным залом на входе. Ничто в этом здании не отступало от привычных красок. Аккуратные квадратные столики были филигранно расставлены по помещению. В самом конце зала располагалась открытая кухня, на которую мог зайти кто угодно из постояльцев. Девушка достала ингредиенты из шкафчиков и начала процедуру заваривания горячительного напитка. Она делала все аккуратно, без спешки, но и не как улитка.

– Малкольм, а вы кем работаете в городе? – поинтересовалась Мати.

– Сейчас никем. Но я был воином. Новую профессию мне только предстоит выбрать.

– Позвольте поинтересоваться почему? Получили какую-то сильную травму? Потеряли кого-то дорогого?

– Ну... можно и так сказать. Не вынес психологической давки на симуляторе. Не хочу больше никуда двигаться.

Она добродушно посмеялась, размалывая какие-то орешки:

– Вы еще передумаете, поверьте моему опыту.

– Думаете? – я засомневался.

– Разумеется. Сперва, конечно, страшно. Все меняют поле деятельности. Чуть меньше половины жителей остается в городе. А остальным становится скучно. Рутинка, одно и то же день ото дня. Кому-то в стороне не позволяет остаться честь. Кому-то – число погибающих сподвижников, которое в последнее время неустанно растет. Но, так или иначе, большинство предпочитают вернуться назад. Некоторых, конечно, уговаривают спустя какое-то время. Ведь тех, кто перемещается по мирам, становится все меньше. Такой дар присущ не каждому, знаете ли.

– Мати, а вы были частью воинства Совета?

– Нет, – девушка достала две большие кружки, – Всегда работала в этом постоялом доме. До меня тут работал мой отец. Он стал стар и вернулся на покой, в наш родной мир. Живут с матерью спокойненько. Книжки читают, в театры ходят, по паркам гуляют. А я тут вместо него. У нас нечто вроде семейного дела. Несколько поколений держало эту гостиницу в своих руках. Мы всегда бережно относились к имуществу, ухаживали за постояльцами, вели дела. Все по отцовской линии.

– А по материнской, если не секрет? – я заинтересовался тем, как же жили другие существа.

– Разное случалось. Мамин дед, например, вообще не из нашего мира был. Мы так и не знаем, что с ним стало сейчас. Как-то нам доставили последний его дневник, найденный в разрушенном городе, только самого моего прадеда так и не нашли. Ни тела, ни живого человека. Вот так в жизни бывает, представляете?

– Как интересно. А что произошло? Вы же наверняка читали его дневник.

Мати осторожно помешивала почти кипящий напиток в котелке, слегка пробуя его на вкус время от времени:

– Я могу вам рассказать, но разве вы не собирались спать?

– На вашу историю я найду время. Тем более, я успел слегка подремать, пока меня не будили.

Она добродушно улыбнулась, глядя на меня, и сняла котелок с печи. По столовой разносился приятный аромат пряностей и орехов. Разлив горячий напиток по чашкам, Мати пригласила меня сесть за один из столиков.

– А разве вам не нужно принимать постояльцев? – поинтересовался я, – Дверь закрыта, но кто-то может появиться. Или же наоборот, захочет уйти.

– Ну что вы, все знают, где меня искать. А у входа есть звонок. Ничего страшного, что мы немного посидим здесь, поверьте мне. Признаться честно, не часто кто-то хочет поговорить со мной, а послушать меня – тем более, – она посмеялась, – Такую возможность упустить нельзя. Я, знаете ли, не болтушка, но и поговорить с кем-то удается крайне редко. Ваш интерес для меня как глоток свежего воздуха. А то я в основном вся в книгах. Люблю читать разные истории, узнавать для себя что-то новое, загадочное. Раз уж по мирам я не хожу, то хоть мысленно в них переместиться. С реальностью не сравнится, но все равно очень здорово. А вы как считаете?

– Да, книги – это, несомненно, волшебно. В них есть нечто-то такое, что заставляет нас ощущать себя кем-то другим. Кем-то новым и необычным. Сопереживать, радоваться, видеть нечто иное. Я тоже много читал, пока не оказался здесь. А сейчас как-то время ускользнуло из моих рук. Я был весь в обучении, путешествиях. Уже и позабыл, как все же прекрасно сесть с горячим напитком в кресло и окунуться в книгу.

– Тогда вам непременно нужно устроиться в местную библиотеку. Заходят туда не так уж и часто, а книг – океан. Всего и не перечитать! Вам понравится.

– Благодарю, – тут уже засмеялся я, – Буду знать. Так что там с вашим прадедушкой?

– Ах, да, – она спрятала за ушко упавшую прядку, уселась поудобнее и перевела взгляд на меня, – Так вот...

Случилось это во времена государственных переворотов. Люди ожидали только худшего, так как ситуация стремительно набирала обороты. Остаться в стране становилось все опаснее. Касалось это не только безопасности в плане военных действий, но и самой их жизни, их здоровья. Новости грозили бедностью, голодом и болезнями. Все, кто имел хоть какую-то возможность уехать, охотно ей пользовались. Мой прадед был инженером, проектировал медицинское оборудование. Томографы, аппараты УЗИ, центрифуги. Все это было его детищами. Моя прабабушка с детьми жила тогда на другом конце света, в процветающей и безопасной стране. Она очень просила своего мужа как можно скорее закончить работу и вернуться к семье. Денег на жизнь им хватало с лихвой, но семья – намного дороже и ценнее любых благ.

Прадеду выдали рабочую визу и вид на жительство, чтобы отправить в командировку. Согласно документам, он являлся гражданином этой страны до момента выезда. На таможне, как и прежде, нужно было закрыть все документы, заверить нотариусом окончание рабочей деятельности в стране прямо на границе, а потом вылететь обратно, к родным и любимым.

Наконец, к концу марта прадед все же закончил работу и уже собирался ехать в аэропорт, но за день до этого по новостям громогласно передали ужасную новость – выезд из страны гражданам запрещен. Покинуть территорию государства могли лишь те, кто официально ее гражданином не является. Несмотря на то, что гражданство у Грэгора, маминого деда, было рабочее, это не позволяло ему покинуть страну до окончания военных действий. Надо сказать, что война была пассивной: бомбы не взрывали, никого не расстреливали, не пытали и в плен не брали. Это, скорее, был мирный переворот – своеобразная стычка между гражданами и вла-

стью. За год работы в этой стране, Грэгор успел озаботиться тем, чтобы завести друзей. В его случае, это был мелкий чиновник Антоний и главный врач одной из лечебниц, которую он снабжал оборудованием – Дионор.

Они пришли к прадеду с предложением уехать из страны противозаконным методом. Видишь ли, в нашем мире твои документы – твоя банковская карта и твой телефон. Это именно то, с чем ты действительно являешься живым человеком. Они содержат всю необходимую информацию о своем владельце. Антоний сделал для них троих фальшивые телефоны и карты – его должность, хоть и невысокая, позволяла повернуть подобный финт. Семи тремя было решено, что они отправятся в дорогу немедленно, не взяв с собой никаких вещей, чтобы не вызывать подозрений, как граждан. К тому времени, как настала пора уезжать, мой прадед разжился квартирой и мебелью, по мелочи. Но продать все это у него уже не было времени. Не осталось и минутки попрощаться с соседями, клиентами, просто знакомыми. Они собрали с собой только небольшие чемоданы с вещами и пустились в путь.

На улице царил хаос – люди сновали по улицам туда-сюда, говорили о перевороте, нервничали, плакали. Город погрузился в тоску и уныние. Идя по тусклым улицам под промозглым дождем, Грэгор и его спутники не обронили ни слова, но прадед всю дорогу до метро думал и переживал. Подходя к турникету на спуске в метро, он остановил своих друзей, отвел в сторону и заговорил:

– Нет, я так не могу. Это же правонарушение! Если сейчас я пройду через этот турникет по этой карте, то нарушу закон! А если нас поймают, что тогда? Нас могут посадить, расстрелять, сослать в колонию! Друзья, что мы делаем?

– Успокойся, Грэг, – заговорил в полголоса Дионор, – Мы не можем здесь оставаться. Если переворот зайдет слишком далеко, то он перерастет в революцию! И тогда от нас ничего не останется, понимаешь? Я иду. Мне еще хочется пожить, увидеть свою семью. А тебе разве нет?

– Я тоже иду, – отозвался Антоний.

Прадед замешкался. Он очень любил свою жену и детей, но мысль о том, что он может умереть и никогда их не увидеть, убивала его изнутри. И он начал взвешивать все «за» и «против». Либо сейчас он проскочит все посты и вернется к ним, либо их поймают и убьют. А если же он останется, то сможет вернуться к семье, когда вся эта возня в стране закончится. Если, конечно, его друзья не окажутся правы, и его не убьют в процессе революционных военных действий.

Подумав еще разок, сделав глубокий вдох, он выбросил телефон и карту в ближайшую урну:

– Идите без меня.

На лицах своих товарищей, он видел искреннее разочарование, боль и переживание. Но у них не было права заставлять его пойти с ними. Антоний и Дионор прошли через турникет по картам и уже через секунду растворились в толпе прохожих. Прадед лишь вздохнул и вернулся в свою маленькую квартирку. Он позвонил жене, узнал, как они поживают. Рассказал о ситуации в стране, о том, что еще неизвестно, когда он вернется, но про умысел с товарищами умолчал. Прабабушка плакала, а он успокаивал ее, обещая вернуться. После долгого разговора, он все же положил трубку, взял карту и телефон, а затем направился в магазин, за продуктами. Выхода больше нет, только жить дальше, пока все не закончится. «Продержаться до лучших времен», как писал он сам.

В магазине он встретил соседку с детьми. Она не особо переживала о том, что происходит в государстве. Соседка его была коренным жителем, у нее-то выбора не было совсем, да и не жила она никогда в других странах, не с чем сравнить. И тогда прадед подумал, что не все так плохо. Живут же люди, не зная, что где-то может быть лучше.

– Так эта история и кончилась для нас. Позже прабабушка узнала, что его друзья все же покинули увядающую страну и вернулись к своим родным. Других записей в дневнике не было. Но история показала, что через пару месяцев все же дошло дело до революции. В назидание другим, город, в котором жил мой прадед, был стерт с планеты шквалом бомб. Эта страшная новость в мгновение разлетелась по миру. Как рыдала прабабушка! С тех пор мы ничего не слышали о прадеде, пока через много лет бабушке не прислали этот дневник. Последнее, что от него осталось. Большая часть страниц промокла, порвалась и потерялась, но эти записи сохранились. Местами, конечно, написано очень неразборчиво, стерто, залито кляксами, но суть я передала точно.

– Неприятная история, честно говоря, – заключил я, – И ты сама читала этот дневник?

– Угу, – она медленно отхлебнула из кружки, – Сейчас он хранится в нашей семейной библиотеке, у родителей. Мы поместили его в футляр, чтобы последние остатки семейной хроники не канули в лету под суровыми внешними воздействиями.

На несколько секунд мы замолчали, погружившись в свои размышления. Внезапно зазвенел звонок от входной двери, Мати поставила кружку, извинилась и сказала, что скоро вернется. Затем послышался стук ее каблучков, щелчок замка и перезвон бубенцов, висящих над входной дверью. Она некоторое время говорила с кем-то, затем выдала ключи, вновь закрыла двери и вернулась ко мне.

– А что ты знаешь о своей семье? – поинтересовалась она.

– Ничего, в общем-то. Когда я был еще ребенком, то остался один. Родителей я не помню. Да и вообще не помню, чтобы они у меня когда-то были. Пожалуй, самое раннее из моих воспоминаний – дождь, коробка, а я внутри, смотрю, как большие холодные капли стучат о жесткий асфальт. На улице темно и очень неприятно, кругом лужи. Я будто в другом измерении.

Рассказывая все это, я неотрывно смотрел в глубину чашки, мысленно переместившись в то время, ощущая промозглый холод каждой клеточкой своего тела.

Мои воспоминания прервала Мати. Она потянулась и широко зевнула, выглядывая в окно. Не успел я очухаться, как на улице уже светало. Желтоватая полоска рассвета расстелилась по горизонту, выстраивая четкую границу между днем и ночью. Я потер глаза, сделал последний глоток из кружки и посмотрел на Мати:

– Кажется, уже пора спать. Хотя, утром обычно все бывает наоборот.

– Да, ты прав, – неэмоционально сказала она, не отрывая взгляда от окна, – Скоро придет сменщик, а я лягу спать. Нужно как следует отдохнуть. Но было весело, – она повернула голову на меня и улыбнулась.

Ее фиолетовые глазки сверкнули теплотой сквозь очки. Я взял обе кружки со стола, помыл в раковине и убрал на место, пока Мати открывала двери и сдавала свою смену. Возле лестницы она поймала меня, объяснив, что на время сна лучше задернуть шторы – в номерах их ткань не пропускает света, так будет лучше спать. Я добродушно поблагодарил девушку и поднялся наверх.

За ночь в номере немного похолодало, но это не стало помехой для сна. Занавесив окно, я нырнул под одеяло и тут же уснул.

Во сне мне виделся ночной мегаполис, ливневый дождь, но меня в нем словно не было. Я парил невидимым наблюдателем над всем этим огромным городом. Вскоре дождь перестал, небо целиком прояснилось, а я созерцал все великолепие ночных огней в полете. Не было ни холода, ни страха, ничего неприятного. Только радость от полета, спокойствие и счастье. Проснувшись вечером, я ощутил себя свободным.

Мне было необходимо сделать выбор, который предопределял все мое будущее в этом городе. Почувствовал себя подростком, которого спрашивают, на кого же он пойдет учиться сейчас, когда школа позади. Только тут выбор был не так критичен, пожалуй. Всему могут обучить, сменить место позволительно. Попробуй себя везде, где хочется, а там уже решишь.

Вот что такое верный подход. И все же, я решил немного пошататься по рынку, чтобы спросить, кто и чем занимается, кому и в чем нужна помощь.

Во всех ремесленных лавках и мастерских требовались подмастерья. Вот только это меня не особенно увлекало. Всегда толпа народа, нужно спешить, потому что работы по горло. А мне бы хотелось чего-то более спокойного. Просто стоять у прилавка и торговать я тоже не хотел. Чему это меня научит? Бестолковое дело.

После всех шатаний, я все же добрался до библиотеки. Возможно, Мати права. Книги – это то, что надо. Сколько бы раз я ни посещал библиотеку, в ней всегда было практически пусто. Да и воины сюда почти не заглядывали. В основном сами жители города. У меня будет постоянный доступ ко всевозможным книгам, а это очень даже неплохо.

В библиотеке меня встретил все тот же старик в бордовой рясе. Узнав цель моего визита, он был несказанно рад, что теперь у него будет помощник. По словам старика, спать ему не нужно, его расе сон не присущ, но заняться своими делами ему тоже хочется. Он предложил мне работать в ночную смену. Я же охотно согласился – меня радовало то, что я буду уходить и приходить при свете звезд, спать утром, а вечером исследовать город или учиться чему-то новому. Кроме того, читать книги во время работы никто не запрещал.

– Да ты никак учиться хочешь, мальчик мой? – спросил старик.

– Да, это было бы полезно. Так сказать, чтобы время даром не терять.

– Это ты, конечно, молодец, хвалю! – он пожал мне руку, – Обращайся ко мне по имени.

Звать меня дед Сафрон. На прилавке есть карта библиотеки. Там глянешь, что и где находится, по разделам. Лучше запомни. Конкретные книги спрашивают не так часто, но на столе стоит компьютер. В него название забиваешь и смотришь, где книга лежит. У нас есть практически все, мальчик мой! Сам можешь брать любые книги, главное, не уноси из здания. Договорились? Если берешь с собой, то обязательно записывай, что взял, на свое имя. Книги из сектора два с собой никому не давай, только в здании читать! Всегда соблюдай тишину и следи за чистотой. Ночью тишина особенно важна! А теперь давай пройдемся по рядам. Я покажу тебе, как обращаться с книгами.

Я послушно проследовал за Сафроном. Для старика двигался он довольно бодро, хоть и шаркал обувью по паркету. Он показывал мне, как ухаживать за пергаменными, печатными книгами, рукописями, электронными книгами, на водной основе и прочими. Одни книги не любят влагу, другие – пыль. Некоторым существам необходимо носить специальные перчатки и маски, чтобы прочитать книги. Кому-то печатные издания не подходят, следует давать только электронные. Книги следовало подбирать индивидуально для каждого – по размеру, удобству, содержанию. Так мне предстояло изучить множество существ, чтобы было легче работать с посетителями.

– А со своей тягой к знаниям, малыш, можешь походить в университет в нерабочее время. Думаю, тебе понравится.

– Погодите, в городе есть университет? – я был искренне удивлен.

– Ну конечно, мальчик мой! Всем нужно чему-то учиться, не так ли? – он хитро улыбнулся, – Вот городские и воины ходят туда. Оценок там не ставят и дипломов не выдают, конечно. Ходишь, на что хочешь сам и когда хочешь. Только и всего! Здорово? У нас же тут целый университетский городок!

С этими словами Сафрон открыл карту городка и указал мне на университет. Поразиительно, как же я раньше туда не заходил? Думаю, я непременно наведаюсь в то место.

– Дед Сафрон, а чему там учат?

– Да всему, мой мальчик! Лекции дают на разные темы. Про миры, например. По биологии, по судостроению, мироустройству... всего и не перечислить! И практики бывают. Магии обучают всяческой. Боевым искусствам. Воинов, понимаешь, прямо в отдельных мирах учат,

моделируют им всякие ситуации. А нас тут обучают, в университетах. Тренера специальные, профессора, ученые. Тебе понравится, мальчик мой!

Звучало на самом деле заманчиво. Думаю, стоит посетить несколько занятий и понять, нравится ли мне. Услышав про университет, я вдруг осознал, что досуг мне точно обеспечен.

– Скажите, а как мне теперь сообщать Совету о своей новой работе? Ну, то есть, куда пойти, что сказать? Мне ведь еще найти жилище должны.

– Ой, за это не переживай! Я сам сообщу куда следует. А жилище тебе искать и не надо. Я вот в своем давно не был, так соскучился! А ведь чуть ли не в первом доме в жилом квартале живу! Тебе я дам жилище прямо тут, в библиотеке. Наверху есть коморка, на самом верхнем этаже. Мы сообщим строителям, они тебе подготовят ее. Кухонька там есть, ванная комната, просто комната для жилья. Все тебе обустроят, все покажут. Лифт вон там, в конце коридора, – он указал мне направление, – Но пока тебе там делать нечего. Библиотека у нас дай Совет каждому! Десяток этажей под землю, сотня вверх! Вот, на сотом ты жить и будешь. Ну как, согласен? Годится?

– Да, конечно, – я улыбнулся, – Спасибо вам.

– На здоровье, мальчик мой! А теперь иди, сходи до университета. Жду тебя через три часа. Как раз твоя смена начнется. Дойди туда, выбери себе занятия.

Одобрительно кивнув, я направился в сторону университета. Впереди меня ждет еще масса полезных знаний и интересных книг.

Город Совета не переставал меня удивлять снова и снова. Сколько всего полезного и интересного он в себе совмещал! Словно он был вовсе не городом, а целым государством, в котором были маленькие города, каждому под стать. Хотите учиться? Вот вам университетский городок. Хотите двигать вперед науку и технику? Вот нам научный городок с массой лабораторий и исследовательских центров. Хотите торговать? У вас есть огромный город-рынок, распростершийся на многие километры. А чтобы просто жить, вдали от шума – вот вам и город с жилыми домами. Что-то говорите? Эти великаны там не поместятся? Ничего страшного, для них есть целая отдельная территория. Ах, вы не можете ходить по суше? В городе целая сеть каналов и морей, которая позволит вам комфортно жить! Все для вашего удобства. Эдакая маленькая утопия на отшибе миров. Запрятанная и давно затерянная Атлантида. Все как в сказках, мифах, легендах, только... настоящее. И, признаться, это не могло не восхищать. Так же и я, окрыленный гением архитекторов, градостроителей Совета, шел по улицам, мечтая остаться здесь навсегда. А кто бы не мечтал? Вам не нужно работать за еду, одежду, медицину. Вам дают все, что вы хотите. Все, что от вас требуется – выбрать то, что вас привлекает, чтобы приносить пользу. Не вынуждены, а именно хотите! И это очень важно. Идеальная жизнь для многих, без прикрас. И если бы не война, то все были бы счастливы в таком месте.

На мгновение я ощутил себя прадедом Мати. Оставленный не в своем городе, ставший его частью, его гражданином, без права выбраться. Застеленный пеленой войны, стоящий на пороге чего-то темного и таинственного, город ожидал своего краха. Но только я надеялся, что этого краха он не увидит никогда, как бы ни была иллюзорна идея о вечно существующей утопии.

То, что я сейчас здесь, несомненно, подарок для меня. Я расцениваю это именно в таком ключе. Став частью Совета, вдруг стал понимать, что теперь я действительно там, где нужен больше всего. Да, было трудно. Все эти перемещения, обучения, инструкции, отчеты. Но оно определенно стоило того, чтобы чувствовать себя в безопасности, получить доступ к безграничным знаниям со всех миров, возможность обрести новые навыки, повидать массу невиданных существ, пообщаться с ними и понять, что хоть все мы и разные, по существу мало чем отличаемся друг от друга. Все мы хотим просто счастливо жить. Это самая высокая, самая главная и самая возвышенная цель. Она есть у всех нас, о чем бы еще мы не мечтали: о большом и красивом доме, о любящей половинке, о детях, о славе, о величии, о признании или

просто о чем-то незначительном. Все мы часть чего-то большего, нежели просто жители величайшего на свете города – Города Совета.

Взбудораженный новыми ожиданиями, я ускорял шаг, не обращая никакого внимания на все, что происходит вокруг. Обходил идущих мне навстречу существ, какими бы они ни были, топал по дороге и торопился так, словно бегу на долгожданную встречу к кому-то, кого не видел уже многие годы. Во мне зажегся новый огонь, и это хорошо.

Масштабы университетского городка шокировали. По сравнению с ним, академия Вестбура была просто сараем для занятий с пятью учениками. Множество зданий толпились внутри пространства, огороженного высоким забором из каменных колонн и кованого железа. Согласно карте, жилых помещений в университете не было совсем. Не напрасно же в городе устроили жилую зону. Тут вам были и корпуса, разделенные по специальностям, и спортивные залы, включающие в себя тренировочные полигоны, и зоны для отдыха и приема пищи. Да, все же университет был в этом городе отдельным населенным пунктом. Несмотря на то, что большинство воинов появлялись в городе редко, университет был далеко не пуст. В основном, конечно, его посещали так называемые «местные», – те, кто не покидал города совсем. Воинам тут делать было особо нечего – все необходимые знания и навыки им давали в отдельных мирах, где жили они и их наставники. Редко кого-то посылали для обучения в городской университет. Но, если у вас было свободное время ввиду какой-то долго заживающей травмы, то вы вполне могли бы заглянуть именно сюда. Но, признаться, после той нагрузки, что переживали воины, учиться чему-то еще не хотелось совсем. Куда полезнее дать мышцам, разуму и мозгу передышку, чтобы очередная нагрузка не спекла окончательно. Поэтому чаще всего я и появлялся в оранжерее. Подальше от шума, суеты и излишков общения. Что ни говори, но некоторым существам уютнее в одиночестве. И в этом нет ничего плохого, скажу я вам. Бывает так, что ты просыпаешься утром, а кто-то тут же начинает тебе рассказывать что-то, спрашивать и вторгаться в твое пространство. А после пробуждения так хочется прийти в себя: подумать о том, что тебе предстоит сделать за день, проанализировать сившие сны, просто позавтракать в тишине и насладиться наступающим днем. Я был именно из таких типажей существ. Не любил утренний треп настолько же сильно, насколько его любил Кобальт. Порой мне казалось, что заткнуть этого бойкого ворона просто невозможно! Ему всегда было нужно что-то сказать, причем независимо от ситуации. Однако, следует отдать ему должное – в напряженные и действительно важные моменты он все-таки молчал. Пабло же напротив, был очень молчалив, спокоен, временами медлителен. Но это не значит, что он не находил слов. Просто более тщательно обдумывал все, что хочет сказать.

У ворот университета было большое информационное табло. Оно содержало в себе карту, информацию о корпусах и их назначение, интерактивного помощника и ящик для выдачи карт и расписаний. Голограф выдал мне эти сокровища. Общаться с интерактивным помощником я не стал.

Выбор был более чем широк: залы с лекциями по различным направлениям, индивидуальные и групповые занятия с общением, обучающие практики и программы. Тысячи наименований занятий, сотни зданий, огромное пространство для саморазвития. Немного прогулявшись по университету, чтобы ознакомиться с расположением всего широкого великолепия возможностей, я отправился в библиотеку. Выбрать подходящие для себя занятия я могу и ночью, в свой первый рабочий день. Народу в библиотеке всегда не так уж и много. Мне это на руку.

На обратном пути меня поймала Мати. Она попросила унести за нее парочку книг и взять еще что-то почитать. На мое усмотрение.

– Малкольм, я хочу попросить тебя о чем-то... необычном, – она немного покраснела.

– Да? Я слушаю.

– Не мог бы ты... ну... погулять со мной по городу после работы? Я выхожу редко, а напрасно. Книги, конечно, здорово, но и на улицу выходить не помешало бы.

– Хорошо, погуляем, – я улыбнулся смутившейся девушке.

– Куда пойдём – выбери сам. Тебе ещё не нашли новое жильё?

– Не совсем. Мне готовят его в самой библиотеке, но когда именно будет готово – неизвестно. Так что, я ещё переночую в вашем постоялом доме.

– Хорошо, – она спрятала свои тонкие ручки за спину, предварительно подправив складочки на юбке, – Значит, после прогулки вернёмся обратно вместе.

– Слушай, а в каком номере своего же постоянного дома ты живёшь? – я вдруг задался этим вопросом, мгновенно высказав его.

– В номере? – Мати хохотнула, – Нет, ну что ты. У меня своя комната на первом этаже. С кухней, санузелом и прочим. Точнее, даже две комнаты. Кстати, на первом этаже нашего отеля есть и своя библиотека. Правда, все интересующие меня книги я в ней уже прочитала, а некоторые и не по разу. Не забудь взять мне парочку книг, договорились? Жду тебя утром!

С этими словами она вприпрыжку вернулась за стойку, чтобы принимать новых постояльцев и выслушивать старых, а я, положив её книжки в свою сумку, двинулся в библиотеку.

На улице уже вечерело, начали проступать первые звездочки на небе. Мне понравилось то, как Совет преображал город. Все больше из гротескного серого пятна он походил на что-то волшебное и мистическое. Жить в таком городе, словно быть в сказке или во сне – непередаваемо. Все здесь такое непривычное, разные районы города отдают своими формами и красками, своеобразным набором существ. Даже в другое время суток ты словно попадаешь в зазеркалье. Не все районы города, само собой, были такими спокойными и созерцательными. Самое тревожное место, пожалуй – площадь, на которой делали объявления. Всегда шумное, надо сказать. Порой говорили что-то по мелочи, а порой собирали огромную толпу, вещая о глобальных планах, изменениях, катастрофах. Эта площадь нагнетала на меня какую-то тяжесть – на ней особо остро ощущался дух идущей войны. Я всегда помнил о том, что мы боремся, но не хотел чувствовать это каждой жилкой в своем теле, поэтому всячески обходил все, что выводило меня из равновесия. Удавалось это не всегда, но в большинстве случаев с поставленной для себя задачей я справлялся на ура. Как бы то ни было, от всего не убежишь. Не все в жизни счастье да спокойствие. В этом и есть вся прелесть хороших моментов – после горячи всего, что гнетет и давит, ощутить сладость успокоения.

Я принял смену у старика Сафрона и, прежде чем начал выполнять свои обязанности, нашел карту Мати и вычеркнул книги, которые она вернула мне. Подобрать для нее новую литературу мне ещё предстоит, а пока нужно заняться делами. Ночью посетителей было не так уж и много, а если и были, то соответствующие – ночные существа. Книги мало кто брал. В основном, читали прямо в библиотеке, в залах. Мне, признаться, больше нравился зал с диванчиками. Очень уютно, по-домашнему. Приятное освещение, хорошая атмосфера. Каждый мог войти в соседнее помещение и сделать себе какой-нибудь напиток, взять лакомство. Некоторые очень любили перекусить во время чтения. Поэтому одной из моих обязанностей стало наполнение шкафчиков чаем, кофе, горячительными напитками разных видов и сортов, печеньем, хлебом, конфетами и многим другим. Умный помощник на кухне помогал с тем, что необходимо взять. Он составлял список, показывая, что и в каком количестве необходимо для того, чтобы восполнить запасы для посетителей. Мне же оставалось просто напечатать его и пополнить запасы продовольствий на местном рынке, прежде чем приступить к новой смене.

Другая моя обязанность – уход за книгами. Конечно, книги были тут всех мастей – из бересты, бумажные, тканевые, электронные, на водной основе, из растений, камней, самоцветов и мало ли чего ещё. Разделили их по залам, чтобы проще было поддерживать нужную для каждого вида атмосферу. Книги на водной основе любили влажность, бумажные же – наоборот. Я вносил данные в реестр библиотеки, кто, что и когда брал, где какая книга должна

находиться. Кроме того, ежедневно к нам поступала новая литература. Ее тоже нужно систематизировать, осмотреть, расставить. Глядя на список всего, что нужно было успеть в библиотеке, я даже не мог представить себе, как несчастный старик управлялся со всем в одиночку! Сидеть на стуле и книжки записывать – дело нехитрое, а вот мотаться по большому зданию в попытках за всем уследить – та еще забота. Мне еще только предстояло постичь все тонкости моей новой работы. Но что меня действительно радовало – тишина. Нескончаемый гул улиц остался далеко позади. Ночью, разумеется, было тише в бесконечных городских просторах, но все равно шума было более, чем достаточно. Именно поэтому все помещения, предназначенные для сна, отдыха или какой-то другой тишины, связанной с деятельностью, оборудовали звуконепроницаемыми стенами. Не так важно ночное ты существо или дневное – всем нужен сон в тишине. По этой причине жилой район был выстроен отдельно. Я же радовался тому, что скоро переселюсь на самый верхний этаж здания библиотеки. Мало того, что все это царство знаний было целиком и полностью защищено от шума, так еще и на такой приличной высоте, на которой я буду, гул улиц, на которые выходили окна, мне не грозил совсем. Однако, я немного опасался ветра. На больших высотах он сильнее, это создает дополнительные шумовые раздражители. Я вдруг подумал, что неплохо бы взять книгу о городе Совета. Почитать о его истории, особенностях и многом другом. Но все это подождет.

Чем больше времени проходило за работой, тем больше я погружался в свои мысли. Ощущая некоторую усталость, я вдруг вспомнил о том, что пообещал Мати взять парочку книг. Посетители уже не приходили больше часа, а те, что еще сидели, мирно читали книги, сидя в удобных креслах. Мне хотелось показать ей что-то необычное. Что-то такое, что я сам уже читал, но могло бы понравиться и ей. И тут я вспомнил об одной замечательной книге. Она была о путешествии по всему свету на поезде. Группа аламатинцев (это такая раса полярных лисов, несколько смахивающих на тюленей) отправляется в кругосветку на поезде, чтобы посмотреть весь мир. Много заснеженных пейзажей, приключений и новых встреч. Кажется, она так и называлась – «Заснеженные рельсы» или вроде того. Вторую книгу я выбрал, опираясь на интересы Мати. История семьи очень ее завлекла, поэтому я прихватил «Хроники брата Сохамали». Это записки отшельника, ставшего монахом, поклоняющемуся солнцу. Он был таким не всегда, поэтому вся история его жизни в одной книге ведет именно к тому, как он пришел к такому исходу.

Закинув книги в сумку, еще пару часов я занимался делами, пока не закончилась моя смена. Попрошавшись с дедом-библиотекарем, я выдвинулся ленивой походкой в сторону постоянного дома, чтобы забрать Мати на прогулку. На улице уже светало, даже запахло какой-то свежестью. Уставшие за ночь продавцы, ремесленники и рабочие спешили по своим жилищам. Те, кому солнечный свет противопоказан, уже были в своих пристанищах – у них был свой индивидуальный график работ. Как ни крути, а оказывалось, что под каждого гражданина подстраивались отдельно, чтобы все чувствовали себя максимально комфортно. Еженедельно вносили какие-то поправки и изменения, адаптировали город под разные расы и слои населения, сооружали новые дома, торговые точки, лавки с услугами различного рода. Например, знали ли вы, что существует раса существ, которым необходимо раз в месяц обмениваться энергией с сородичами через объятия, чтобы не умереть? Для них выделили специальное здание, где они могут обниматься. Этакая сфера услуг. Местные в шутку прозвали это сооружение «Медицинский центр обнимашек». К слову сказать, он такой был не один. В Нижнем городе содержали целый заповедник. Порой после тяжелого приключения или сильного стресса хотелось как-то расслабиться. Для многих таким стрессоснимательным занятием стало общение с животными. Своего рода контактный зоопарк, в котором можно приласкать как зверушку из своего мира, так и из чужого. Местное сафари пользовалось успехом. Это не только отличный способ отвлечься от всего пережитого за последнее время, но и своеобразный метод вживую познакомиться с другими мирами и существами. Особенно популярно у местных жителей.

Они, как воины, по мирам не скачут. Для них такие прогулки захватывающие и незабываемые. А животные там и в самом деле любых мастей и размеров. Сам я там не бывал, но послушал несколько рассказов от Кларка. Ему там очень нравилось. Наверное, так же сильно, как мне в оранжерее, если не больше. Надо будет как-то скататься в этот заповедник. Меня лишь отталкивало то, насколько он далеко. Чтобы добраться до него, нужно было час просидеть в капсульном фуникулере. Он провозил сперва по городу, затем над ним, прорезал собою воду (это большая часть пути), а затем вез по суше до самого входа в заповедник, водрузившись на отдельном островке. Путешествие не слишком долгое, но и не самое быстрое. Кларк частенько звал меня туда, но каждый раз, когда время было у него, его не было у меня. Такой вот непростой график у воинов нынче. Но меня это совсем не расстраивало. Зеленый великан постоянно подбивал меня доехать туда одному, только вот я не особо горел желанием после тяжелых приключений мотаться куда-то еще.

К тому моменту, как я добрался до гостиницы, на улице уже совсем рассвело. Одни существа плавно сменились другими, а город начал просыпаться, меняя спокойный ночной режим на бурное жужжание дня. Мати сидела за стойкой, потягивая чай и выписывая что-то в учетной книге постояльцев. Она мило улыбнулась, увидев меня, и пожелала доброго утра. Обменявшись с ней любезностями, я протянул ей парочку книг:

– Держи. Твои сдал и взял вот эти. Думаю, тебе понравится.

Мати бережно провела ладонью по обложке одной из книг и поблагодарила меня, а затем закрыла учетную книгу, встала со стула, поправила юбку и медленно вымолвила:

– Отлично. Я уберу книжки к себе в комнату и переоденусь. Подожди меня на диванчике, я скоро выйду.

Послушно кивнув, я приземлился на ближайший диван, закрыв глаза и откинув голову назад. Странное чувство, но почему-то только теперь мне жутко захотелось спать. Первый рабочий день несколько вымотал меня. Но не тем, что дел было выше крыши, а тем, что я еще не привык к тому, что теперь мой режим исключительно ночной. Я прикинул то, какие дела мне предстоит сделать перед новой сменой, и начал распределять на них время в обратном порядке. Перед работой нужно непременно заскочить на рынок и взять продуктов на библиотечную кухню. Перед этим я высплюсь в гостинице. Сейчас я буду прогуливаться с Мати по городу, но сколько на это уйдет времени – неизвестно. И неплохо бы перекусить перед сном, а то желудок будет не рад тому, что я с ним делаю. Да, еще я собирался выбрать какие-то дисциплины и занятия в университете, но на это время можно выкроить и на работе. Дел не так уж и много, однако, их нужно закончить.

Мати сменила строгую юбку и опрятную блузку на легкую голубую кофту с рукавом в три четверти и облегающие бриджи кофейного цвета с просторными кармашками по бокам. Туфельки заменили белоснежные кеды, а на плече у нее висела небольшая белая сумочка из кожзаменителя. Она собрала волосы в аккуратную шишечку, поправила очки и взглянула на меня:

– Я готова.

– Куда ты хотела бы сходить? – спросил я, поднимая свое уставшее тело с дивана.

– Я предлагала тебе сделать выбор, но не приняла во внимание тот факт, что ты стал городским только сейчас. Пока просто прогуляемся, а там видно будет. Не против?

Я кивнул. Мы дождались ее сменщика, чтобы Мати могла дать ему инструкции, и вышли из постоянного дома, направляясь куда глаза глядят. Ей очень захотелось поговорить сразу же, как мы вышли за порог.

– Знаешь, я люблю свой отель, но выбраться куда-то лучше, чем все время просиживать в четырех стенах. Друзей у меня нет, особо их и не завести. Ночуют у нас только воины и перебежчики, сам понимаешь. Вот и не нахожу никого, с кем можно было бы просто побродить по городу. А одной оно как-то и не весело вовсе. Поговорить-то с постояльцами я могу, они

и сами общению рады, а вот чтобы так прогуляться – нет. У всех дела, да и остаются они ненадолго. Я понимаю, что и ты скоро переселишься, но сидеть за стойкой в последние дни стало просто невыносимо. Ты меня понимаешь?

– Да, пожалуй. Когда я жил в своем мире, то каждый мой день был точно такой же, как предыдущий. Ну, в общем смысле, сглаживая углы, так сказать. И, хотя я гулял по городу не часто, но знал в нем практически все. Отсутствие какой-то новизны может наскучить. И я топил свою нехватку впечатлений в книгах. И вот теперь я даже не уверен, что хочу туда возвращаться. Нет, путешествовать по мирам здорово, но, пойми меня правильно, безопасности и спокойствия все же хочется. Не всегда плохо наперед знать то, как пройдет твой день.

– Может быть, – она кивнула, – Но мне это уже наскучило. Выбраться из повседневной суеты все же приятно. А ты, похоже, живешь из крайности в крайность, да? – она улыбнулась мне с хитрецей.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты жил спокойно и тебе это наскучило. Пустился во все тяжкие – не осилил. Теперь у тебя снова будет привычная повседневность. Похоже, ты не сторонник золотых середин. Для тебя есть только черное и белое?

– Нет, что ты, – на минутку я задумался, – Просто обстоятельства порой играют против нас. Не хочется сразу окунаться в гущу событий или всю эту гущу мгновенно терять. Это как выпустить рыбку в аквариум из пакета. Ты же не швыряешь ее сразу, а даешь пакету с рыбкой немного побыть в воде. Так?

Мати похотала:

– Да, ты прав. И все же твой ответ недостаточно развернут. По поводу черного и белого.

– Нет, копаться в оттенках серого тоже приходится. Это как существа вокруг нас. Нет абсолютно хороших или безусловно плохих. У всех свои минусы и плюсы, да и восприятие у каждого из нас субъективно. Я скажу, что храбрость – это плохо, а ты считаешь, что хорошо.

– И что же такого плохого может быть в храбрости? – видимо, я угадал с примером.

– Представь себе, у тебя есть семья, муж и дети, к примеру. Возникает какая-то опасная ситуация. Допустим, пожар, а ты слышишь, как на балконе жалобно скулит собака. Ты пренебрегаешь своим инстинктом самосохранения, подавляешь его, чтобы спасти несчастное животное, но вот уже что-то пошло не так и вы оба погибаете. В этом случае вся твоя семья будет горевать об этой утрате. Мы не можем заранее предугадать, чем обернется то или иное решение в нашей жизни, но каждая из наших черт характера в отдельной ситуации дает и плюс, и минус. Согласна?

– Наверное, да. В этом что-то есть. Я раньше, как-то не задумывалась на эту тему. Знаешь, я никогда не была в городском заповеднике. До фуникулера рукой подать. Может, съездим?

– Забавно, я только сегодня вспоминал о нем. Ни разу не был, но меня всегда отталкивал часовой путь туда.

– Не будь таким занудой! – Мати засмеялась, взяла меня за руку и потянула за собой, – Я позволю тебе поспать, если устанешь.

Шутку я оценил.

Глава III. Бессонница

*Отдохни от меня ну хоть самую малость.
Мне немногого в жизни надо.
Отрекись от меня хоть на день, хоть на миг.
Не пытайся быть вечно рядом.*

*Не хочу, издавая последний хрип,
В одиночестве встретить старость.
И до старости я не желаю дожить,
Мне сейчас-то уже не в радость.*

*Откажись от меня, как от вредной привычки.
Я не приз, не священный Грааль.
Отвернись от меня, как от света звезды,
Уходящего прямо вдаль.*

Сесть в капсульный фуникулер мог кто угодно и когда угодно. Линия не двигалась непрерывно, а позволяла отправиться в заповедник в любое удобное время. Маршрут, по которому двигались капсулы, всегда был одним и тем же, с постоянной скоростью, чтобы никто ни в кого не врезался при перемещении. Кабинки ехали по монорельсу, который далеко впереди утопал в океанских водах, минуя часть городского пространства. Остановок капсулы не делали, потому как других станций маршрут не предусматривал. Всего лишь замкнутое монорельсовое кольцо, везущее из одного места в другое, а затем отправляющееся обратно. Кабинки аккуратно стояли на станции, образуя некоторое подобие поезда из эллипсовидных вагончиков для лучшей обтекаемости. Синие капсулы с панорамными стеклами выглядели футуристично, как кабины для обработки в лаборатории, располагающиеся в медицинской части города Совета. На каждом вагончике стояла панель, на которой нужно было выбрать размер и число пассажиров, а затем кабинка перестраивалась, образуя места для сидения в нужном количестве и с подходящими размерами. Полезная технология для такого разношерстного населения. Кроме того, сканер определял комфортную атмосферу для каждого существа, что позволяло тем, кто добрался до станции в скафандре, ощутить себя комфортно в условиях часового путешествия. Капсула удобно разделялась перегородкой на случай перевозки в одной кабине двух взаимоисключающих видов, но для большего числа подобных существ предусмотрена не была – пересаживайтесь в другую. Мы с Мати ввели в аппарат все нужные данные и через минуту уже сидели на мягких сидениях, ожидая отправления. Чтобы передумать куда-то ехать, система давала ровно пять минут, затем задавала контрольный вопрос и, получив свое «да», запускала механизм.

Как только капсула тронулась, Мати устроилась на противоположном диванчике поудобнее, а затем, широко зевнув, с минуту смотрела в окно. Я же потер глаза руками, пытаясь хоть немного согнать с себя сонливость, накопленную за первую спокойную рабочую ночь. Тишина – это здорово, но она несколько утомляет. Мои мысли прервала Мати:

– А ты много где побывал в городе? – она положила руки на колени.

– Не особо. Пока был воином, в основном бегал по делам, да и то не всегда. На рынке забирал снаряжение и карты, в лаборатории обследовался. Не в той, которая в медицинском городке, а в той, которая в центре подготовки, в научном городке. Посещал кафе в Кларком. Ты его не знаешь, наверное, но я бы вас познакомил. Он просто обожает заповедник. Бывал в библиотеке, на главной площади, где делают объявление, в Центре города. Но мое любимое

место – оранжерея. Там я проводил больше всего времени. Особенно, когда сломал руку и проходил лечение. А ты? Где ты любишь бывать?

– В оранжерее я была всего раз. Не часто хожу в ту сторону. На рынок заглядываю часто, за продуктами. Иногда хожу в культурную часть города. Смотрю различные фильмы, спектакли, концерты со всех миров. Еще как-то посещала занятия в университетском городке, когда только переняла дело от отца. Там есть курс для начинающих жителей. Там объясняли что и как устроено. А еще довольно интересно в центре отдыха и развлечений. Меня туда отец частенько водил, когда я была еще ребенком. Его должность давала ему такую привилегию, приводить меня туда раз в месяц. А я же была ребенком, вот и втянулась моментально. Мне очень нравилось наблюдать за тем, как отец общается с постояльцами. Всегда вежливый, учтивый, улыбается и интересуется как у кого дела. Правда, в последнее время обстановка в городе обострилась, про дела ни у кого лучше не спрашивать, да и все стали такими торопливыми, но оно и понятно почему. Вот и подружиться с кем-то поэтому стало намного сложнее. Я не жалею, ты не подумай, но иногда на меня находит такое чувство... одиночества что ли. Вокруг такая толпа, все разные и наверняка по-своему интересные, но даже в толпе порой ощущаешь себя опустошенным и совершенно одиноким. Скажи, а не хотелось ли тебе хоть раз изменить какое-то свое решение в прошлом и посмотреть насколько лучше бы стала твоя жизнь?

– Может, иногда, – я слегка призадумался, – Но потом решил, что в этом нет абсолютно никакого смысла.

– Это почему же? – она впилась в меня заинтересованным взглядом.

– Понимаешь, прошлого мы вернуть не в состоянии. А даже если бы и были в состоянии, то не факт, что поменяв свое решение, все обернулось бы в лучшую сторону. То есть да, ты думаешь «вот если бы я поступила так, а не иначе, то случилось бы вот что». Предположим, что ты права. Ты вернулась в прошлое, изменила свое решение и, например, спасла свою карьеру или не потеряла какую-то подругу. Это замечательно. Но думала ли ты как это отразится на других и, впоследствии, на тебе? Не на все наши прошлые, как мы думаем, «ошибки», стоит смотреть как на что-то упущенное или потерянное. Можно взглянуть на это как на возможность избежать чего-то нехорошего. Что, если оставшись на своей прежней работе и должности, ты упустила новую, более приятную и выгодную работу? Или хорошее знакомство на этой новой работе. А вдруг, сохранив старую подругу, ты в будущем на себе испытаешь, что она и не подруга вовсе, а просто пользуется другими ради личной выгоды? Или того хуже, воткнет тебе нож в спину? Изменяя какой-то, пусть даже самый незначительный, факт в своем прошлом, мы запускаем цепную реакцию. Это называют «эффектом бабочки». Не стоит воспринимать какое-то свое действие как нечто неверное и негативное, ведь очень может быть, что на самом деле тебе удалось избежать чего-то худшего, чем то, что с тобой уже произошло. Мы не можем знать наверняка, но копание в таких вещах может только испортить тебе настроение. Да, ты можешь сделать для себя какие-то выводы, представить, как оно могло бы быть, чтобы избежать той же ошибки в будущем, но не стоит заикливаться на том, чего ты не вернешь.

– Я об этом даже не задумывалась. Пожалуй, это повод многое взвесить и пересмотреть в своей жизни. Я бы хотела немного посидеть в тишине, если ты не против. Можешь вздремнуть, пока мы добираемся до заповедника, я не буду возражать, – и Мати улыбнулась.

Пока мы общались, городская черта уже миновала, а снаружи была одна вода. Мы перемещались по другой, недоступной для меня части города – подводной. Я давно знал, что для подводных существ часть города отстроили отдельно, но никогда ее не видел, а в море, оказывается, было много всего интересного. Свои рынки, жилые кварталы, развлечения и достопримечательности. Но все это было более природным, если можно так сказать. Рифы, водоросли, подводные скалы и пещеры – своя отдельная цивилизация. Глядя на все это разнообразие и великолепие, я понял, что за последние пять минут зевнул уже раз двадцать, не меньше,

поэтому устроился на диванчике поудобнее, чтобы поспать перед прибытием в заповедник. Мати сперва тоже с интересом разглядывала окрестности, а затем достала из сумочки одну из книг, которую я принес ей совсем недавно, и уткнулась в чтение. Видимо, решила все же захватить на такой случай.

Еще раз широко зевнув, я погрузился в сон.

Стоя в большом зале, освещенном хрустальными люстрами, меня посетила только одна мысль – как я тут очутился? Вокруг толпились люди в дорогих костюмах и платьях от каких-то неизвестных мне модельеров. Они держали в руках шампанское, бокалы с вином, ловили официантов с какими-то закусками, а потом возвращались к оживленной светской беседе. Протискиваясь сквозь всю эту толпу, я остановился у зеркала. Странно, неужели все это общество абсолютно не смущает кролик в джинсах и рубашке, с закатанными рукавами? Мой внешний вид этой своре высокопоставленных людей совершенно не соответствовал.

Где-то в толпе раздался крик:

– А вот и счастливая пара! Поприветствуем их!

Все обратили взор далеко вперед. По широкой лестнице, взмывающей высоко под потолок, спускались двое – мужчина и женщина. Она держалась за него правой рукой, а махала ликующей толпе левой. Он же был строг на вид, серьезен и величав. Словно люди приветствовали какого-то короля или правителя. Костюм безупречно черный, даже рубашка и та была черной. Необычное решение, но ему невероятно шло. Я бы даже сказал, что на него сшили весь этот модный ансамбль, очень уж хорошо сидел. Женщина была в длинном красном платье и не менее красных туфлях. Цвет такой, словно вся ее одежда налилась яркой струящейся кровью, что, в некотором смысле, выглядело даже жутко. Они шли не спеша. Она улыбалась, не скрывая радость, а он лишь сдержанно кивал. Рассмотреть счастливую пару мне удалось лишь тогда, когда они спустились ниже, а я подобрался ближе. Черты лица мужчины были какими-то угловатыми и строгими. Выражение лица – суровое. Глаза казались целиком черными, но я списал это на то, что он просто щурится. Короткая стрижка брюнета была безупречна – ни одной торчащей волосинки. Черты его спутницы были мягче, но какими-то ядовитыми, как у змеи. Взгляд с хитрецей, пышные губы с немного язвительной улыбкой. Я не удержался, и подошел к ближайшему лакею:

– Простите, любезный, а что тут празднуют и кто эти люди?

Официант, не поворачивая ко мне лица, чуть наклонил голову и, почти шепотом, ответил:

– Юбилей свадьбы наших дражайших правителей, конечно. Вот, собственно, и они. Мадам, как и прежде, восхитительно женственна, а господин суров и величав.

– Значит, они правят вашей страной?

– Страной? – он искренне удивился, – Ну что вы, нет. Нашим миром, разумеется!

Целым миром. Так вот оно что! Меня забросило в какой-то мир. Но я не помню, как это произошло. И, что странно, сейчас я был уверен, что это не симуляция. Иначе бы об этом аппарате я совсем и не вспомнил. Хотя в этот раз, точно знал, что нахожусь на своем месте, что сам согласился тут оказаться. Почему-то, именно сейчас это все показалось мне таким неважным.

Семейная пара спустилась, их обступила толпа, а я стал пробираться к выходу. Дорогу мне перебежали двое мальчишек, забавно хохотавших. Может, они играли в догонялки, но время и место выбрали явно не подходящее к случаю. Хотя, признаться, даже эти мальчуганы были в костюмах. Я уже почти дошел до выхода, как меня остановил один из лакеев:

– Мистер Тернер? – он держал меня за плечо.

– Эм... да.

– Господин желает видеть вас.

Я был обескуражен. Откуда он меня знает? Я вот его точно никогда не видел до этого. Может, он попросил Совет о помощи, и ему сообщили, что прибуду именно я? Других логических выводов я сделать не смог. Лакей ловко продвигался сквозь толпы празднующих, а мне едва удавалось поспевать за ним. Удивительным образом, на его пути все расступались, а затем в одно мгновение перекрывали дорогу мне. Как бы я ни старался следовать прямо по следам мужчины во фраке, мне тут же мешали вынырнувшие непонятно откуда люди. Наконец, мы добрались до одного из дорогуших кожаных диванов, на котором вальяжно сидел тот самый великий господин, но обнимал он уже совершенно другую женщину. Интересоваться я, конечно же, не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.